

Я прямиком направилась к двери в свою спальню и тихонько захлопнула ее за собой. Затем я подъехала к шкафу и посмотрела на себя в зеркало. Мое отражение в нем терялось среди фотографий, наклеек и рисунков лошадей, наклеенных на его поверхности или вставленных в его рамку. Но все-таки я увидела себя – с длинными каштановыми волосами, курносым, немного конопатым носом и яркими голубыми глазами. Именно голубыми, а не серыми или фисташковыми. Они были, пожалуй, главным моим достоинством. Наверное, это смешно, но раньше я так не думала. Вернее, я просто не обращала внимания на цвет своих глаз. Но какое это имеет значение для колледжа?

Я еще раз взглянула на себя в зеркало и выдвинула верхний ящик шкафа. Я достала из него мою Коробку – большую, розовую, с нарядной защелкивающейся крышкой – и положила ее себе на колени. Я знала, многие мои сверстники ведут дневники. Но я не хотела делать так, как все. Я писала письма, обращенные к моей Коробке...

ДАРСИ

ДЖОНИ ЭРЕКСОН ТАДА

Tada, Joni Eareckson
Дарсу
Джони Эрексон Тада
Дарси
Перевод с английского А. Бережковой
© 1988 by Joni Eareckson Tada

This edition (c) 1992 Licht im Osten
© 1992 Издательство «Свет на Востоке»

ПОСВЯЩАЮ Рики, Шон, Келли,
Кэй и Эрике – дорогим детям,
которые мне очень помогли.

1

Больше всего я люблю наш маленький городок Виллоубрук летом. Во всяком случае, раньше всегда любила.

Но в тот четверг все было как-то по-другому, не так, как всегда, хотя, казалось бы, ничего и не изменилось. Пыльная дорога, по которой мы каждый день ходили в школу, была такой же, как всегда. Такими же, как всегда, были клены, растущие вдоль нее, и было их, как всегда, ровно двадцать пять. И такими же привычными выглядели заборчики, ограждающие соседние дома. Это была наша обычная дорога, причем лучшая из всех, так как другие дорожки, посыпанные галькой, были сплошь в ямах. Видимо, пото-

му, что Чип каждый раз по дороге в школу и из школы разбрасывал эту гальку ногой во все стороны.

Мы прошли мимо желтого дома, где нас радостно приветствовал наш четвероногий друг-бульдог, а в соседнем двухэтажном доме мы, как обычно, увидели старого сямского кота. Мэнди всегда останавливалась здесь и угощала его и бульдога остатками своего школьного завтрака. Чуть поодаль находился старый оранжевый пожарный кран, куда любила забираться Эйприл, чтобы прыгнуть с него, как с трамплина.

Чип, Мэнди, Эйприл и я ходили этой дорогой миллион раз, с самого раннего нашего детства. Но если быть точной, то я – Дарси де Ангелис – по ней не ходила. Я ездила по этой дорожке в школу и домой. Нет, не на велосипеде – на инвалидной коляске.

Сообственно, моя коляска – это тот же велосипед, только гораздо мощнее и надежнее. Она у меня сверкающая, ярко-пурпурная, с белыми шинами, с черными рифлеными ручками и с привязанными к ним длинными алыми лентами, развевающимися на ветру. К тому же, моя коляска украшена разными наклейками. Так что она куда лучше многих велосипедов. Но в тот день даже моя яркая быстрая коляска не могла разве-

селить меня. Потому что это был особенный день.

Я взглянула на моих друзей. Мэнди тербила свою светлую косичку и жевала резинку. Эйприл, балансируя, шла по узкому бордюру дороги. Высоченный Чип спокойно шагал, размахивая сумкой в такт своим шагам. Интересно, что они сегодня чувствовали?

Я спросила, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Вам грустно, что школа окончена?

Эйприл спрыгнула с бордюра и пошла по дороге:

– Что поделаешь? Я лично не чувствую себя больше ребенком и готова начать взрослую жизнь. А ты что думаешь об этом, старина Чип?

Она снова запрыгнула на бордюр, как будто ни минуты не могла обойтись без тренировки.

Чип пожал плечами и даже не замедлил свой размеренный шаг. Я не поняла, действительно ли он не знал, что ответить, или просто не хотел отвечать Эйприл. Она порой бывала невыносима.

Затем он все-таки сказал:

– Не знаю, как я уеду из Виллоубрука и оставлю здесь своих маленьких братьев, – он,

видимо, считал себя уже взрослым студентом колледжа. – Но, в общем, я думаю, что седьмой класс колледжа – это не так уж и трудно. Разве что алгебра.

Да, алгебра. Это то, что вызывает мое беспокойство. Деление десятичных дробей – это одно, а вот алгебра в седьмом классе! Ох! А как я буду успевать по испанскому, если я давно не занималась им? Да и литературы я боялась. В колледже уже не обойдешься элементарной хрестоматией по литературе.

Колледж. Никакой тебе халтуры и послаблений. Никаких обязательных завтраков. Никаких учителей, нянчащихся с нами, как мамы, и считающих своим долгом напоить нас вовремя молоком. Никаких вечеринок в день святого Валентина, никаких карнаваловых шествий вокруг школы. Ничего такого! Только семь разных учителей по семи различным предметам в семи разных школьных комнатах.

– Я не дождусь, когда начну играть в хоккей на траве в колледже! – сказала Мэнди и вслед за Эйприл запрыгнула на бордюр тротуара.

– А я собираюсь играть в драматическом кружке! – заявила Эйприл.

Это был очередной каприз Эйприл. Она вообще все время играла – постоянно прихо-

рашивалась, меняла прическу, то заплетая свои рыжие волосы в косички, то завязывая их хвостиком высоко на голове. Если же она оставляла в покое свои волосы, то начинала что-нибудь делать со своей одеждой: то укорачивала ее, выставляя колени, то засучивала рукава блузы. Я заметила, что все, кто так много времени уделяет своей внешности, обычно трудные люди.

– Ну, а если не драматический кружок, тогда что-нибудь типа массовика-затейника, – снова выдала Эйприл.

Я почувствовала легкое раздражение. А Эйприл продолжала болтать:

– Колледж Джордан очень большой. Чтобы успеть перейти из одной классной комнаты в другую, надо торопиться. Бывает, что ребята опаздывают на уроки.

Я очень хорошо знала, что значит эта ее интонация. Эйприл вовсе не хотела сказать, что колледж очень большой, она просто хотела напугать Чипа и Мэнди, и особенно меня.

– Интересно, как ты сможешь без опоздания переходить из класса в класс во время перемены, Дарси?

Я вздохнула и выпалила:

– С помощью супермощных батарей, стальных спиц и послушных колес.

Эйприл смолкла, а я продолжала:

– А также с помощью суперкалорийного завтрака для чемпионов... Да, да, да, с помощью пшенной каши – главного спонсора американской олимпийской команды, – я принялась говорить голосом рекламного агента из воскресного выпуска теленовостей: «Да, ребята, если вы хотите иметь стальные мускулы, скажите вашим родителям, что вы хотите пшенную кашу!»

Эйприл от смеха закачалась на бордюре, замахала руками и потеряла равновесие. Я заметила, что лучший способ справиться с Эйприл – это рассмешить ее. Я не знаю, почему, но для меня было очень важно, чтобы она не знала, как болезненно я воспринимаю свою коляску. Кроме того, Эйприл была из тех людей, которые вечно задирают нос, хотя сами ничего из себя не представляют.

Мэнди подошла ко мне и взялась за ручки моей коляски:

– Действительно, Дарси, как ты будешь переезжать из класса в класс в колледже? Кто тебя будет там возить?

Славная старина Мэнди! Она всегда была готова помочь мне въехать на горку, поднять оброненные мною книги – и все это безо всякого высокомерия и без показной демонстрации.

– Подумаешь! – отозвалась я. – Я просто установлю сирену на своей коляске и буду отчаянно сигналить, чтобы мне давали дорогу.

Я низко пригнулась и помчалась по дороге, выделявая всевозможные пируэты.

– Что за сумасшествие? – закричала Мэнди, бросая мне вслед камушек.

Я остановилась и подождала, пока друзья догонят меня.

Весь остаток дороги домой я наслаждалась видом каждого дерева, каждого дома, мимо которых мы проходили, и каждой выбоины на тротуаре. И я как-то по-особенному воспринимала сегодня и нашего приятеля бульдога, радостно встретившего нас у самых ворот своего дома, и сиамского кота, который сделал вид, будто не замечает нас. Возможно, Мэнди, Эйприл и Чип и не огорчились из-за того, что начальная школа окончена, но мне сегодня было очень-очень грустно.

На углу улицы мы расстались: Чип пошел в бассейн, Эйприл – совершенствовать свои гимнастические номера, а Мэнди – к своей коллекции марок.

– До скорой встречи! – крикнула я им, направляясь к своему дому. Затем я оглянулась: все же мы все были хорошими друзьями, несмотря на то, что кое-что мы друг в друге не понимали. Будем ли мы дружить в

колледже? Попадем ли в один класс? Будем ли встречаться во время перемен?

Я свернула на узкую дорожку. Отсюда наш дом выглядел, как нарисованный детьми, – белый домик с красной черепицей, с узкой каминной трубой и двумя аккуратно подстриженными кустами по обе стороны парадного входа. За шесть лет, что я проучилась в начальной школе, кусты выросли на голову выше меня. Конечно же, потому, что я в своей инвалидной коляске такая маленькая!

Я глубоко вздохнула. Даже мой родной дом выглядел сегодня совсем по-другому. И только потому, что теперь я была выпускница, настоящая выпускница школы, пусть только начальной, шестилетней, но школы.

Я ехала по дорожке и вдруг вынуждена была остановиться. Мой младший братишка Джош бросил свой велосипед прямо посреди дороги, и я никак не могла объехать его.

– Мама!

Мама открыла дверь, держа в руках кухонное полотенце.

– Сколько раз говорить этому мальчишке, чтобы он не бросал свои вещи где попало! – сказала она и, засунув полотенце подмышку, завела велосипед в гараж.

Никто из нас, конечно, всерьез не сердил-

ся на Джоша, просто все мы знали, что для меня надо оставлять путь свободным. Я подъехала к гаражной двери.

– Как прошел день, Дарси? – спросила мама, когда я поднялась в дом по специальному скату, сделанному для моей коляски. Она заметила, что сегодня я непривычно тиха.

– Как всегда, хорошо! – проговорила я, снимая свой пустой ранец с ручки коляски и бросая его в угол кухни. – Мы сдали наши книги, заплатили за пользование библиотекой, а некоторые книги подарили друг другу с памятной надписью.

Я открыла дверцу холодильника, чтобы немного перекусить.

– День, как день. Ничего особенного.

Мама посмотрела на меня таким взглядом, словно хотела сказать, что я что-то не договариваю. Но я всем своим видом старалась показать, что, мол, она должна понять меня без слов. Ведь у каждого бывают такие дни, как у меня, – дни перемен, когда ты оставляешь одну, привычную тебе жизнь и готовишься к новой, неизвестной.

– Солнышко! – сказала мама, глядя меня по голове. – Не бойся новых испытаний!

Ну как объяснить маме, что со мной сейчас происходит?

– И не думай о школе, Дарси! Ведь у тебя, слава Богу, впереди – прекрасное лето, – она села за стол напротив меня. – Подумай: семейный отдых, и к тому же все твои друзья будут там.

У нас было излюбленное место для отдыха. И этот семейный лагерь станет для меня самым приятным событием в ближайшем будущем. Я надеюсь, что он отвлечет меня от грустных мыслей о колледже. Но грусть и тревога не покидали меня.

У меня не было аппетита. За ужином я машинально ковыряла вилкой бобы, слушая болтовню Джоша. Он наконец научился завязывать узел на своем скаутском*¹ галстуке, что было совершенно необходимо для того, чтобы стать скаутом. Мама велела ему трижды завязать этот узел на салфетке, и он продемонстрировал нам два вида настоящих скаутских узлов.

А моя старшая сестра Моника, которая всегда покупает журнал «Семнадцатилетние» и звонит по телефону мальчикам, восторженно рассказывала о своем милом инструкторе по плаванию. Мне казалось, что она и плаваньем-то занимается только из-за

*1 Скаут – следопыт, член детской христианской организации.

него. А в целом Моника – нормальная девчонка и общается со мной и моими друзьями на равных.

Но сегодня я не могла уйти от своих мыслей даже за нашим обычным семейным ужином. Я медленно пережевывала бобы и лишь слушала, о чем говорят другие.

После ужина я не пошла посмотреть телевизор. Не соблазнило меня и то, что отец поджарил в микроволновой печи кукурузные зерна, чтобы мы могли погрызть их у экрана телевизора. Я лишь ненадолго остановилась, чтобы пожелать всем спокойной ночи. Моника и Джош недоуменно переглянулись – они знали, что я отказываюсь смотреть свою любимую передачу.

Я напрямик направилась к двери в свою спальню и тихонько захлопнула ее за собой. Затем я подъехала к шкафу и посмотрела на себя в зеркало. Мое отражение в нем терялось среди фотографий, наклеек и рисунков лошадей, размещенных на поверхности или вставленных в его рамку. Но все-таки я увидела себя – с длинными каштановыми волосами, курносым, немного конопатым носом и яркими голубыми глазами. Именно голубыми, а не серыми или фисташковыми. Они были, пожалуй, главным моим достоинством. Наверное, это смешно, но раньше я так

не думала. Вернее, я просто не обращала внимания на цвет своих глаз. Но какое это имеет значение для колледжа?

Я еще раз взглянула на себя в зеркало и выдвинула верхний ящик шкафа. Я достала из него мою Коробку – большую, розовую, с нарядной защелкивающейся крышкой – и положила ее себе на колени. Я знала, многие ребята в моем возрасте ведут дневники. Но я не хотела делать так, как все. Я писала письма, обращенные к моей Коробке...

2

Мое общение с Коробкой началось еще во втором классе, когда я лежала в больнице после аварии. Водитель не был виноват – я выехала на велосипеде на дорогу из-за стоящей у тротуара машины. Все, что я запомнила, – как меня вносят в машину скорой помощи и звук сирены.

Это было жуткое время для меня и всей нашей семьи. Когда мои родственники и все ребята в школе узнали о случившемся, они завалили меня открытками и письмами, а мама передавала мне их послания вместе с газетными вырезками в этой большой розовой коробке. После того, как заканчивались часы приема посетителей, я, лежа в кровати,

просматривала все письма и карточки, присланные мне. Именно в это время коробка и стала для меня Коробкой.

Я не знаю, как объяснить это, но только эта старая коробка стала для меня – как бы это сказать? – самым лучшим другом, с которым я могла поговорить обо всем, что меня тревожило и волновало. Я могла доверить ей самое сокровенное, например, какие-нибудь памятные, дорогие для меня вещи – билеты на любимый фильм в кинотеатр, колечко моей бабушки, носовой платок моей сиделки в больнице. Как это все объяснить?..

Когда я вернулась домой из больницы, я села в инвалидную коляску – на всю жизнь. Многие мои друзья и родственники не знали, как теперь общаться со мной. Они жалели меня и поэтому боялись посмотреть мне в глаза или лишний раз встретиться и поговорить со мной. Я не винила их. Наверное, на их месте я вела бы себя точно так же. Я думаю, люди всегда избегают контактов с инвалидами. И одно дело – написать теплую открытку в больницу, а другое... В общем, как только я оказалась дома, письма и открытки от друзей приходили перестали. А Коробка осталась.

Я подъехала к кровати, подложила под свои парализованные ноги подушки и устро-

иплась поудобнее. Я занесла ручку над листом бумаги и задумалась.

«Дорогая Коробка, – начала я свое письмо. – Ты, наверное, чувствуешь, что сейчас со мной происходит? Произошли большие перемены в моей жизни. Сегодня я в последний раз ходила в школу. Все так радовались, словно их освободили из тюрьмы или что-то в этом роде. Я радовалась вместе со всеми, хотя я, наверное, в отличие от моих друзей, чувствовала и нечто другое – какое-то волнение, что ли.

Эйприл говорила о трудностях, которые у нас будут в колледже из-за того, что времени на переход из одной классной комнаты в другую будет очень мало. Но не этого я боюсь. Я все думаю, а вдруг мой шкафчик для вещей будет находиться слишком высоко, и я не смогу дотянуться до него из коляски? Вдруг моя классная комната окажется на втором этаже, а в колледже нет лифта? А что, если я не смогу пользоваться там ванной? И я просто умру, если окажется, что зеркала в колледже висят слишком высоко для меня. Представить только: все девочки будут прихорашиваться перед зеркалом, а я буду сидеть рядом, как последняя замарашка».

Я дважды щелкнула кнопкой на ручке. Только со своей Коробкой я могла быть такой откровенной, как сейчас.

«И чем больше я уговариваю себя не бояться будущего, тем больше я боюсь его. Я даже не могу поделиться своими страхами с Мэнди.

А теперь – до свидания!

Дарси».

Я заложила ручку за ухо и немного изменила свое положение в коляске. Мои ноги, слабые и безжизненные, перемещались вместе с моим телом. Но они не так уж плохо смотрелись – мои ноги. Я была в бриджах и теннисных ботинках. А вчера на мне были спортивные брюки и кроссовки. А как-то мама надела на меня модные рейтузы в комплекте с длинной рубашкой. Я даже покрасила ногти на ногах. Но, несмотря ни на что, факт оставался фактом – я не могла пошевелить даже пальцем на ногах. Я их просто не чувствовала.

Я медленно просматривала содержимое Коробки. Там лежало письмо, которое я написала в прошлом году, после того как в нашем классе организовали кружок танцев. Мне пришлось тогда сидеть поодаль от ребят и менять пластинки на проигрывателе, наблюдая, как все остальные беззаботно танцуют. В тот день я не смогла скрыть свое состояние даже за смешными репликами.

В тот день я все-все рассказала своей

Коробке. Я хорошо помню, что я чувствовала тогда, когда писала это письмо: меня душили слезы. Но это не было отчаянием. Что-то спасло меня тогда. И тут я с удивлением прочитала приписку, сделанную мною в конце этого письма: «Не оставлю тебя и не покину тебя... Я с вами во все дни до скончания века».

Я вспомнила, что это были строчки из Библии, которые мне прочитала Моника. Как хорошо, что моя старшая сестра делится со мной таким сокровенным, как любимые стихи из Библии. Это только кажется, что Моника – легкомысленная девчонка, помешанная на мальчиках. На самом деле она серьезная, а душа ее богата. Эти слова Иисуса о том, что Он не оставит меня, я помнила не один месяц. Но все это было в прошлом году. Перечитывая их заново, я почувствовала легкие укоры совести: я не была так близка к Богу, как следовало бы.

Я отставила Коробку в сторону. Мне уже мало было писать письма-исповеди, мне хотелось поговорить с кем-нибудь о своем самом-самом сокровенном. И я подумала о Мэнди.

Я опустила ноги и быстро поехала к кладовке. Там, помимо трех пар ботинок, пустой банки из-под кока-колы и пыли, лежал Роб-

би, мой старый плюшевый кролик. Я бережно подняла его, стряхнула с него пыль и стала его рассматривать. Он потерял один глаз, и на животе у него было большое пятно от пролитой кока-колы. Выглядел он довольно жалко от долгого лежания в углу кладовки.

Я еще раз стряхнула пыль с Робби. Когда-то он много значил для меня. Но я скорее умру на плахе, чем признаюсь в этом кому-нибудь, вроде Эйприл. В то же время я не против, чтобы о Робби узнали Чип или Мэнди. А Мэнди и сама однажды призналась мне, когда мы с ней говорили о Боге, что для нее гораздо легче общаться с Иисусом, если в этот момент она разговаривает с какой-то конкретной вещью, пусть это будет даже подушка.

Я посмотрела с нежностью на милую одноглазую мордашку Робби и решила последовать примеру Мэнди. Молитва! Слово само по себе ассоциировалось у меня с Робби.

Когда я лежала в больнице, я обычно крепко прижимала к себе Робби, мысленно обращаясь в это время к Богу. Мне было приятно думать, что Робби как будто тоже слышит меня, слышит то, что я говорю. Став старше и убедившись, что Бог и так слышит

меня, независимо от того, держу я в руках плюшевого зверька или нет, я забросила своего кролика. Но позднее, как я уже сказала, я перестала ощущать свою близость к Богу.

Я глубоко вздохнула и начала молиться, но чувствовала, что слова мои неискренни.

«Это неправда!» – вдруг вырвалось у меня. Я даже съежилась от страха, ожидая, что после этих слов меня поразит молния.

«Я никого не знаю в колледже. Конечно, я смогу там видетсья с Эйприл или спорить с Чипом. Но... Многие мои знакомые ребята из школы думают, что у меня все в порядке, потому что я всегда шучу, рассказывая им о своей коляске. Но Ты знаешь, чего мне стоило с самого второго класса заставить их забыть о том, что у меня парализованы ноги. Неужели мне придется начать все сначала из-за того, что мои новые знакомые из колледжа будут думать, будто мои мозги тоже парализованы, как и ноги?»

Я с облегчением вздохнула. Наконец-то я сумела сказать правду, почему мне так плохо.

«Аминь!» – закончила я свой разговор с Богом.

Я повернула голову в сторону Робби и прислушалась к тишине. Должно быть, я

ждала, что услышу громовой голос с небес, который успокоит меня и скажет, что все будет хорошо. Но единственный звук, который доносился до меня, был голос диктора, вещающий что-то с экрана телевизора в гостиной.

Я снова подъехала к кровати и положила Робби на свою подушку. Несмотря на то, что он остался в моем далеком детстве вместе с куклой Барби и комиксами, я почувствовала острую необходимость, чтобы он вернулся ко мне хотя бы на одну ночь. И в эту ночь, лежа в постели, я обнимала его так же, как и когда-то в детстве.

3

На следующий день, в первый день наших летних школьных каникул, ко мне прибежала Мэнди, прихватив с собой свою коллекцию марок. Я выбралась из коляски и опустилась на плетеный коврик на полу моей спальни. Мне нравилось разговаривать с друзьями так, чтобы наши глаза были на одном уровне, особенно, когда мы просто болтали о пустяках. Мы с Мэнди разложили марки по странам и цветам. Какое-то время мы просто молчали.

Я всегда считала Мэнди своей лучшей подругой. Возможно, в какой-то степени это было связано с тем, что мы были знакомы с пеленок. Потом мы познакомились с Эйп-

рил, но с ней я никогда не была так близка. Мы с Мэнди были родственные души. Обе любили читать, собирать марки, рисовать лошадей, говорить все, что мы думаем, и даже частенько сплетничать о мальчишках.

Кроме того, я уважаю Мэнди. У нее хватает смелости спорить с Эйприл и даже делать ей замечания, я же этого не могу. Обычно я стараюсь отшутиться, пряча свои настоящие чувства под маской смеха.

Я не скажу, что я боюсь Эйприл, хотя она и верховодит в классе. Но я не хочу ссориться с ней из опасения, что она может настроить ребят против меня. Должно быть, я все же слегка побаиваюсь ее. Но у меня и так хватает проблем из-за моей коляски, так что зачем мне лишние сложности в жизни?

Мэнди первой нарушила благостное молчание:

– Я думаю, что в этом году в семейном лагере будет что-то необыкновенное!

Я подцепила марку пинцетом и аккуратно положила ее в альбом:

– Надеюсь!

Мэнди подняла голову, отбросила назад косички и, подперев руками подбородок, спросила меня:

– Что с тобой? Надеюсь, ничего не случи-

лось? Разумеется, кроме того, что мы окончили школу?

– Конечно, нет, – ответила я, надеясь, что на этом тема исчерпана, и потянулась к следующей марке.

Мэнди, однако, продолжала:

– Сдается мне, что ты что-то скрываешь от меня.

Да, от настоящих друзей ничего не утаишь. Так же, как и мама, настоящие друзья всегда чувствуют, если с тобой что-то неладно. И если они настоящие друзья, они не оставят тебя наедине с твоими печальями.

Я лежала на боку и, орудуя пинцетом, заполняла марками пустующий ряд в альбоме.

– Вспомни, как хорошо нам было когда-то вдвоем. В первом классе... до аварии!

– Да, – вздохнула Мэнди. – Мы были грозой Виллоубрука. Помнишь, как мы состязались с девчонками из второго и третьего классов?

Разве могла я забыть это? Это были одни из тех сладких и смешных воспоминаний, которые навсегда остаются в памяти.

– Мы обошли их всех! – засмеялась Мэнди. – Дарси! Ты была самой быстрой девчонкой на свете.

Мы снова замолчали. Авария, после кото-

рой у меня отнялись ноги, произошла буквально через месяц после этого.

– И ты была самым лучшим другом на свете! – добавила Мэнди.

– Была? – переспросила я, удивленно вскинув брови.

– Ну-ну! Ты и сейчас мой самый лучший друг, – Мэнди скосила глаза и высунула язык. Затем вновь стала серьезной. – Но в последнее время мне кажется, что ты многое утаиваешь от меня. Ты знаешь, что я имею в виду.

Я снова занялась марками. Сказать ли ей все? Нет, не могу. Если я расскажу Мэнди о своих страхах, она поймет, что со мной творится. И, значит, она начнет ломать голову над тем, как мне помочь. Я решила изменить тему разговора.

– С кем ты будешь жить в лагере: с родителями или с девочками из колледжа? – спросила я и приподнялась, держась за кровать.

Мэнди помолчала, дожидаясь, пока я усядусь:

– Мама и папа разрешили мне жить в домике для молодежи.

Ее тон дал мне понять, что она поняла мой трюк:

– Надеюсь, мне тоже разрешат.

– Мы поедем туда все вместе на машинах, до самых гор. Поскорее бы, я не дождусь! – добавила она с радостной улыбкой. – Там будут состязаться, кто больше съест арбузов, будут костры и большой волейбольный турнир. Я решила выступить в команде Чипа. Мы отдохнем на славу.

– Конечно, – сказала я, пожимая плечами. – Я понимаю, что ты имеешь в виду.

– Какая же я жестокая! – вскричала Мэнди, ударив себя по голове. – Ты поняла, что я имела в виду только наш, а не твой отдых! Мне надо думать, что я говорю.

– Успокойся! Ничего не случилось! – сказала я бодрым голосом и так, чтобы она почувствовала себя лучше. – Я не желаю слышать все эти твои «охи» и «ахи».

Я действительно не хотела, чтобы ребята, разговаривая со мной, трижды обдумывали свои слова и всегда помнили о моей инвалидной коляске. Ведь тогда они просто не смогут быть искренними.

Мэнди с облегчением вздохнула:

– Я говорю, давай будем вместе играть в команде Чипа. Он – бесподобен. Ты заметила, как он вырос за последнее время?

Еще бы я не заметила! Чип выглядел настоящим студентом колледжа. И хотя ему всего тринадцать лет, выглядел он на все

четырнадцать. Я даже подозревала, что Мэнди неравнодушна к Чипу, и относится она к нему не просто как к другу. Но я все же попыталась уверить себя, что у Мэнди есть голова на плечах, и она не будет забивать ее Чипом, хотя он и превратился за последнее время в очень славного парня. Дело в том, что мы знакомы с Чипом с самого первого класса, когда он еще был сопливым мальчишкой, вечно шмыгающий носом.

Все это быстро пронеслось у меня в голове:

– О, да! Мы будем стоять у самой сетки. Я займу место в углу поля. Ведь в середине я не смогу играть – моя коляска может отдавить кому-нибудь ноги.

Мы обе знали, что у нас так принято, чтобы я, по мере возможности, тоже участвовала в игре. В зале я обычно стояла в угловой позиции, а остальные ребята подавали мне мяч. Конечно, я не могу передвигаться по площадке, но зато, если мне удачно передадут мяч, я могу показать хорошую игру.

– Кстати, – хихикнула Мэнди, – я только что видела Эйприл в своих новых кроссовках, которые ей купила мама. Она решила заниматься аэробикой.

Я подавила смешок. Бедная Эйприл! Я взяла пинцет и сделала вид, будто выщипы-

ваю себе брови, как самая заправская модница.

– О, да! Она смотрится как надо во всех своих шмотках, несмотря на юный возраст.

Я фыркнула. Мне захотелось наговорить массу язвительного в адрес Эйприл, но я остановилась. Мы с Мэнди знали, что подчас бываем несносными.

Я начала думать о предстоящем отдыхе в семейном лагере. Арбузы, волейбол, рыбная ловля – мне не терпелось поскорее получить все это. Я даже мечтала о вечерних проповедях пастора Роба. В лагере они были лаконичны и точны – он всегда был немногословен, когда говорил проповеди не в церкви. Но тут я снова подумала о себе. Смогу ли я отдыхать так, как все? Раньше я всегда жила в домике с родителями. А сейчас? Неожиданно мне захотелось, чтобы Бог подал мне знак, что все будет хорошо.

Наши разговоры о лагере, Чипе, волейболе закончились, и мы с Мэнди снова стали лениво перебирать и перекладывать марки. Мэнди заполнила последнюю страничку альбома и взглянула на часы.

– Ох, мне пора! – сказала она, вскакивая на ноги и беря альбом под мышку. – Мама велела мне быть дома ко второму завтраку.

Я подтянулась к креслу. Как и сотни раз

до этого, Мэнди остановилась и подала мне руку. Я оперлась на нее, и мы вместе подняли мое туловище на сидение коляски.

– Смотри-ка, какая ты сильная, Дарси!

– Посмотрите лучше... на небо! Там птичка. Там самолет. Нет, это взлетела суперкалека! Разрешите представиться: Дарси де Ангелис, полуобразованная студентка, выпускница виллоубрукской школы... – Я отъехала в сторону и поклонилась. Я пыталась быть смешной и веселой. Раньше я никогда не делала этого перед Мэнди.

– Ну, я пошла, – Мэнди задержалась ненадолго в дверях. – Хорошо? – она откинула косички назад.

– Хорошо! – сказала я, разглаживая складку на джинсах. – Позвони сегодня.

Я услышала ее шаги в холле и стук входной двери, подъехала к окну и посмотрела вслед убегающей Мэнди. Да, она была самой быстрой из всех двуногих существ на свете. Я грустно усмехнулась, вспомнив то памятное соревнование во втором классе. Неожиданно у меня засосало под ложечкой, и я почувствовала себя отвратительно. Почему? Откуда взялись эти гадкие ощущения? Ничего нового в бегущей Мэнди я не увидела. Но... я почувствовала, что после нашего утреннего разговора, когда я утаила от нее

свои сокровенные мысли, мне стало только хуже.

4

«Дорогая Коробка!

Прошло три недели наших летних каникул. Эйприл была в Цинциннати, навещала своих бабушку с дедушкой. Не могу сказать, что мне ее не хватало, но я рада, что она тоже едет вместе с нами в лагерь в Сикс Флэгзе. Вместе с нами едут скауты – приятели Джоша. Мы с Мэнди взялись присматривать за ними.

Маленькие дети, кажется, не замечают моей коляски, в то время как взрослые всячески пытаются заострить на ней свое внимание: они хлопают меня по плечу, говорят что-то жизнерадостным голосом и пытаются уверить меня, что я «такая милая». Мне бы хотелось, чтобы эти взрослые поучились такту у детей.

Помню, как один мальчик по имени Дерек стоял вместе со мной в очереди на подъемник. Надо было видеть, как он смотрел на меня, когда мой папа взял меня из кресла и посадил на переднее сидение подъемника. Когда я подвинулась, чтобы и Дерек мог сесть рядом со мной, он остановился, как вкопанный, словно его ботинки приросли к полу. Я думаю, он решил, что я, как улитка, никогда не расстанусь со своим креслом.

Затем он спросил, не хочу ли я подержаться за его руку. Как трогательно! Должно быть, он очень серьезно относился к своим скаутским обязанностям. Когда я сказала: «Да, конечно, дай мне свою руку!», он объяснил, что хочет поддержать меня, чтобы я не вывалилась из подъемника».

Я переложила ручку в другую руку и потрясла кистью.

Однако я стала часто писать письма Коробке. Боюсь, что скоро мне понадобится новая коробка, повместительней этой.

«Дерек сгорал от любопытства, но в этом любопытстве не было ничего нездорового или обидного. Он хотел посмотреть на подошвы моих ботинок, чтобы убедиться, что они не потерты, — ему все казалось, что я его обманываю. Он хотел знать, сплю ли я в своей коляске. Он даже ущипнул меня, чтобы прове-

рить, действительно ли я ничего не чувствую. А когда он увидел, что мама везет меня в ванную, он стал очень серьезным и спросил: «Ты моешься в ванной?» – «Да. А ты что – нет?» – быстро ответила я ему вопросом на вопрос. И он засмеялся. Потом он часто пристраивался сзади на моей коляске, катаясь на ней вместе со мной и угощая меня кукурузными палочками, и прокладывал мне путь в толпе.

Думаю, что я, когда вырасту, возможно, буду работать с детьми, – они такие непосредственные».

Моника крикнула, что обед готов, и я быстро положила недописанное письмо в Коробку. Я опустила ее в ящик шкафа и поехала в холл. Это был тот семейный обед, на который я не хотела опаздывать. Вчера вечером папа обещал, что за обедом мы поговорим о нашей поездке в семейный лагерь.

После свиных отбивных и макарон с сыром Джош и Моника быстро убрали со стола. Мама налила отцу чашку кофе, и мы, дети, приготовились слушать.

– У нас новость, – начал отец, перебирая регистрационные карточки. – Обычно, как вы знаете, мы живем в лагере семьями, но в этом году мы, ко всеобщему удовольствию, решили устроить все по-другому. Моника,

ты будешь жить в домике для молодежи вместе с девочками.

– Отлично! – воскликнула Моника и даже хлопнула ладонью по столу.

– Но я бы хотел напомнить вам о правилах хорошего тона, юная леди! И не забывайте, что домик ваших родителей находится недалеко от вашего, – сказал отец и погрозил пальцем.

Моника была счастлива. Мама и папа оказывали ей большое доверие, которое она, впрочем, заслужила, несмотря на то, что была самой хорошенькой девчонкой в нашей общине и болтала по телефону с мальчишками.

– Джош, а ты бы хотел поселиться в «Деревянной хижине» вместе со своими друзьями?

Джош храбро кивнул головой. Это было большим испытанием для него – жить вдали от мамы и папы. Но он этого хотел. И этого же хотела я.

– И, наконец, Дарси... – папа аккуратно сложил бумаги в стопку. – Ты будешь жить с нами.

– Что?

Под папиным взглядом я сразу же сменила интонацию.

– Но, папа... мама! – взмолилась я, поглядывая то на отца, то на маму. – Моника и

Джош будут жить со своими друзьями. Почему же я этого не могу?

Папа стал объяснять, что в домиках для молодежи нет надлежащего комфорта, кровати стоят тесно одна к другой, нет лифта для коляски. А в домике для родителей много комнат, и разместиться там с коляской можно без проблем.

– Да, я знаю, почему все так, – пробурчала я. – Это потому, что ваши комфортабельные домики предназначены для стариков... в колясках.

– Дарси, – начал папа, но я его перебила:

– Даже Джош будет жить со своими друзьями, а ведь он еще совсем маленький.

– Давайте объявим сегодняшний день Днем Сочувствия Дарси, – сказала Моника, стараясь успокоить меня.

Иногда подобные ее высказывания действительно помогали мне обрести душевное равновесие, но не сейчас. Сегодня я была безнадежно расстроена.

Мама стояла рядом со мной и гладила меня по голове. Папа старался тоже успокоить меня, обещая, что я смогу принимать участие во всех развлечениях молодежи. Мама начала перебирать пряди моих волос. Она всегда так делала, когда чувствовала, что мне плохо.

– Ладно! – сказала я наконец. – Я буду жить с вами. Но учтите, что для меня в этом нет ничего хорошего.

Ночью я не могла уснуть. Я лежала с широко раскрытыми глазами, зная, что Джош в это время мирно посапывает в своей кровати в соседней комнате, а Моника тайком слушает под одеялом радио. Как будто мало мне было тревог по поводу колледжа, так теперь еще эти проблемы с лагерем. Мэнди и Эйприл, да и остальные ребята будут чувствовать себя не в своей тарелке из-за того, что я буду жить отдельно от них.

Я повернула голову и увидела на стене тень от своей коляски. В темноте она не выглядела нарядной и веселой, а была совсем другой.

И я вспомнила богослужение в прошлое воскресенье, во время которого пастор Роб говорил о том, какие мы разные – сильные и слабые. Я слушала его, а сама не могла оторвать глаз от старых калек из интерната, которые прикатили на своих колясках послушать проповедь. Неужели же и я когда-нибудь буду такой, как они? О! Я не хотела этого! Я хотела быть здоровой, как все!

Лежа в постели, я чувствовала себя, как никогда, отвратительно.

На следующий день я сидела во дворе

дома и читала книгу. Книга была неинтересная, да к тому же порывы ветра постоянно перелистывали страницы, мешая мне сосредоточиться. Я отложила книгу в сторону.

Подняв глаза, я стала пристально всматриваться в проплывающие по синему небу облака. Колледж, семейный лагерь... Я устала и была больна от всех своих переживаний.

Новый порыв ветра, склонивший верхушки деревьев, был так силен, что у меня перехватило дыхание. Даже моя коляска отъехала немного в сторону.

Я почувствовала, что, подхваченная ветром, могу улететь в небо. Мне захотелось стать такой же легкой, как воздух вокруг меня. Легкой, как будто сотня баллонов гелия была накачана в колеса моей коляски. Какое дивное ощущение! Мне захотелось выпрыгнуть из кресла и танцевать вместе с ветром, чтобы мое платье раздувалось под его порывами. Вот чего я хотела!

Но я этого не могла. Я натянула платье на свои безжизненные ноги и стала вспоминать, что я ощущала, когда ходила, бегала, танцевала. Ветер утих, как бы умер, и вместе с ним умерли мои воспоминания. Осталась одна непреходящая боль: я не хотела быть такой, какой была! Я хотела уметь ходить!

В этот момент я вспомнила слова своей сестры Моники: «Давайте объявим сегодняшний день Днем Сочувствия Дарси!» И тут мимо моего лица пролетела ярко-желтая бабочка. Она еще раз пролетела мимо, как бы знакомясь со мной. Казалось, ее не влекут сладкие, манящие запахи цветов, растущих вдоль дорожки. Она, мой новый друг, задержалась возле меня лишь на мгновение, а затем упорхнула за соседскую изгородь. Такая непоседа!

Не надо отчаиваться. Да, Господи? Я ведь не хочу, чтобы другие люди жалели меня, почему же я сама плачу от жалости к себе?

Маленькая желтая бабочка снова вернулась ко мне из-за изгороди и затанцевала возле меня, как будто через нее Бог посылал мне весточку: «Сейчас ты думаешь правильно, Дарси!»

По мере того как проходили мои грустные мысли, я начинала ощущать прелесть жизни. Мне казалось, что я улыбаюсь всем своим существом, как будто неожиданно я узнала большой, важный секрет. В тот момент я искренне верила, что Бог говорил со мной. И я все вспоминала ту строчку из Библии: «Не оставлю тебя и не покину тебя... Я с вами во все дни до скончания века».

Дружище мотылек порхал вокруг моей коляски. «Вот оно», – подумала я. И я пообещала, что теперь, когда я увижу бабочку, я сразу же вспомню о Боге и о Его заботе обо мне. Это будет заветом между мной и Богом.

Снова подул ветер, забросив бабочку за изгородь. Я помахала ей рукой и почувствовала новый прилив радости и счастья. Не просто приятное ощущение, а то, что в Библии называется блаженством и о чем нам постоянно говорил наш пастор. Раньше я никогда не ощущала ничего подобного. Это можно было сравнить с тем, как если бы я узнала о существовании чего-то огромного и восхитительного и ощутила себя частичкой его. Это было, как будто впервые видишь Ниагарский водопад. В общем, я не могла этого объяснить словами, возможно, потому, что я еще была слишком молода для этого.

«Наконец я нашла себя, – подумала я. – И я вовсе не Всегда-Готовая-на-Веселую-Выходку девчонка, какой меня считают мои друзья по школе».

После обеда мне ужасно захотелось поделиться с кем-нибудь своим открытием. Я было думала позвонить Мэнди или даже Эйприл, если она, конечно, вернулась из Цинциннати. Если бы я была чуточку посмелее, я бы даже позвонила Чипу. А еще я

подумала, не рассказать ли обо всем Монике? В конце концов я так никому ничего и не сказала.

Я просто уютно устроилась в кровати и принялась писать очередное письмо своей Коробке.

5

Бабочки, бабочки везде! Желтые бабочки облепили кусты перед нашим домом, когда я выезжала на дорогу. Сигналя, я выехала на улицу и поехала вдоль обочины дороги. Соседский забор, увитый плющом, был желтым от громадного количества бабочек, разместившихся на нем. Я ехала по знакомой ухабистой дорожке вдоль кленовой аллеи. Старый сиамский кот лениво наблюдал за порхающим возле его носа красивым мотыльком. Наш городок, похоже, просто захлестнула туча бабочек.

А я, видя каждую из них, не могла удержаться от улыбки. Какой странный путь был указан мне, чтобы я помнила Иисуса! Как

чудесно и радостно было ощущать себя частичкой чего-то или Кого-то совершенно-го и доброго, необъятного и неизмеримого.

Я почувствовала себя почти взрослой. Может быть, мысли о Боге заставили меня так осознать себя. Я не была достаточно уверена в этом. Но теперь я знала совершенно твердо, что я не имею права грустить и печалиться о себе.

Дома я снова нашла Робби. Мне уже не нужна была помощь этого плюшевого зверька, чтобы говорить с Богом. Но я посадила его в угол кровати, чтобы он наблюдал, как я буду писать письмо моей Коробке. Обычно мои письма не столько походили на дневник, сколько на те пометки, которые делала Моника на полях своей Библии. А я частенько брала Библию Моника, чтобы выписать из нее подчеркнутые ею строчки.

«Дорогая Коробка!

Сейчас я уже успокоилась относительно колледжа и семейного лагеря. Я даже прихожу в восторг от одной мысли о лагере, несмотря на то, что там мне придется жить не с друзьями, а с родителями. Зато я увижу горы. Каждый вечер я буду смотреть на звезды и вдыхать запах хвои. Только Бог знает, что я чувствую сейчас. А эти строки я нашла в Библии своей сестры: «Когда взираю я на небеса

Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Это, наверное, то, что я сейчас чувствую. Я не говорила с Мэнди обо всем этом. Я даже никому не рассказала о бабочках. Все это так важно для меня, что я никому не могу доверить своих чувств.

Дарси».

Я закончила писать и положила голову на руки. Да, после сегодняшнего ветреного дня надо на все смотреть по-другому. Так хорошо чувствовать себя свободной от жалости к самой себе. Все мои уродливо-печальные мысли ушли, и я теперь ощущала себя единой с Богом. И ничто уже не могло разрушить этого единства.

Вдруг в гостиной раздался телефонный звонок. Мама позвала меня к телефону. Я бросила Коробку на кровать и выехала в холл.

– Алло!

– Алло, Дарси? Это Эйприл!

– Эйприл? Я думала, ты еще в Цинциннати.

– Мы приехали домой пару дней назад. Все было отлично. Но я все же вернулась, – хихикнула она.

– Я очень рада!

У меня комок застрял в горле, я готова была разреветься.

– Я звоню, потому что узнала, что ты не будешь жить вместе с нами в домике для молодежи. Я забежала к Мэнди и ее маме, и они рассказали мне об этом.

Ну зачем Мэнди проболталась Эйприл? Я глубоко вздохнула и постаралась остаться невозмутимо спокойной:

– Подумаешь! В остальное время я же буду с вами, вместе со всеми!

Мой обычный жизнерадостный голос вернулся ко мне.

– Да, верно, – согласилась Эйприл. – Но я боюсь, ты не будешь попевать за нами. Хотя, конечно, ребята не будут тебя обгонять.

Голос ее снова стал снисходительно-высокомерным.

– Обгонять? Хотела бы я посмотреть на того, кто осмелится тягаться с моими колесами! – засмеялась я.

– Да, да, конечно. Но эти горные дороги и крутизна, и никаких удобных подъемов. Но ты не беспокойся, мы будем тебе помогать. Ну, до встречи в лагере!

И Эйприл быстро попрощалась.

Я опустила трубку на рычаг и кашлянула, чтобы избавиться от комка в горле. Как она

могла, как она посмела испортить мне такой чудесный день? Все мои счастливые мысли превратились в ничто.

Я вернулась в свою комнату. Зашвырнула Коробку в шкаф – мне не хотелось больше писать. Мне даже не хотелось молиться.

Неожиданно я почувствовала, что Бог далеко от меня. Я пришла в отчаяние от того, что мои чувства к Богу могут так стремительно меняться под влиянием обстоятельств. На мгновение я даже подумала, что Бог должен больше заботиться о небесах, луне и звездах, чем о моих чувствах и помыслах.

Да, те строчки из Библии – правда. Кто я есть? Я – маленькая Дарси де Ангелис? Кто я, чтобы Ты заботился обо мне?

Я подняла глаза и увидела свое отражение в зеркале. Мне стало ясно, что выгляжу я так же ужасно, как и мои мысли.

Да, испытание лагерем было для меня гораздо труднее, чем я предполагала.

6

Наш нагруженный микроавтобус, подъезжая к лагерю, зашуршал шинами по пыльной дороге и плавно остановился. Другие семьи из нашей церкви уже были здесь.

– Как здорово, что мы снова приехали сюда! – Моника присвистнула от радости и, открыв двери, стала спускать трап, чтобы я могла выехать из машины на своей коляске. Я выглянула в боковое окно и увидела серые горы, которые громоздились прямо за сосновым бором, домики, ожидающие нас. Я увидела озеро с причаленными к пристани каноэ и моторными лодками, а вдалеке – конюшню и загон для верховой езды. До нас донеслось пение людей, отдыхающих где-то

неподалеку. Я пристальнее взгляделась вдаль и заметила на ближайшей к нам скале бурундука. Я сразу же показала его Джошу. Нет, все-таки это было райское место.

Пока Моника и мама помогали мне устроиться в коляске, папа разбирался с вещами, выгружая из машины сумки, одеяла и подушки.

– Привет, Дарси! – это была Эми, моя приятельница по церкви.

Если она была здесь, значит, и все остальные ребята уже были на месте. Больше всего мне хотелось увидеть Мэнди, но их машина остановилась недалеко от лагеря, на заправочной станции, и поэтому они задерживались. Но скоро и они должны были подъехать.

Мама положила мне на колени два рюкзака, и мы поехали с ней к нашему домику. Он был собран из больших бревен, покрытых твердой красной корой. Большие, ветвистые олени рога, выкрашенные белой краской, висели над входной дверью, которую, как я заметила, не мешало бы уже заново покрасить. Рядом с лестницей находился удобный для моей коляски деревянный скат.

Я поднялась на балкон и оглядела окрестности. Недалеко от ущелья стоял домик для молодежи, самый большой из всех. В нем же

помещался дежурный пост лагеря. Я увидела группу наших ребят и помахала им рукой. Справа от него виднелся домик для ребят постарше – из колледжа Моники. «Деревянная хижина» Джоша и его друзей была недалеко от выгона.

Я увидела Чипа и его приятеля Поля, которые несли спальные мешки в свой домик. Почти все уже были в сборе.

– Эй! Тебя зовут Дарси? – окликнул меня кто-то за спиной. Девочка, чуть старше меня, возможно, уже из колледжа, в белом свитере и с шарфом, завязанным вокруг шеи, подошла ко мне и сняла с моих колен сумку с вещами.

– Меня зовут Бэтси. Я наставница девочек из тех домиков, – и она кивнула на видневшиеся вдали домики лагеря.

Я улыбнулась, откидывая назад челку. Затем я уселась поудобнее в коляске, а Бэтси продолжала:

– Если твои родители не будут против, присоединяйся к нам сегодня за ужином.

– О чем речь! Само собой разумеется, – сказала я уверенным тоном.

– Вот и отлично, Дарси! Увидимся в шесть тридцать в столовой.

Моника и Джош были уже вместе со своими друзьями. Мама и папа весело пере-

говаривались с другими родителями. Раздался сигнал подъехавшей машины – это была Мэнди. Жизнь в лагере началась.

Оббитая сосновыми досками столовая выглядела весьма внушительно. Головы бизонов и индейские циновки украшали ее стены. Над камином висела шкура медведя. Виллоубрук, да и только.

Мэнди помогла мне на раздаче, положив поднос со спагетти и фрикадельками мне на колени.

Я легко разместилась за столиком прямо в коляске. Рядом с нами оказалась Бэтси.

Было ясно, что вскоре она станет нашим вожаком. И неудивительно – она влилась в нашу группу как старый друг. Эйприл настояжилась, чувствуя, что теряет первенство. Бэтси все больше завоевывала сердца ребят. Похоже, она искренне интересовалась всеми нами, спрашивая о наших учителях и любимых занятиях. По ее инициативе мы даже проголосовали, что будем делать завтра сразу же после завтрака.

Несколько ребят было за волейбол, один – за плавание, но большинство решило отправиться в поход в горы. Я улыбалась, но сидела тихо и не голосовала вовсе.

Выйдя из столовой, мы остановились во внутреннем дворике, чтобы подышать све-

жим воздухом и поболтать. Был прохладный восхитительный вечер, и звезды над нами сияли необычайно ярко. Я глубоко вздохнула. Хвойный аромат был живителен и свеж, и мне очень захотелось посидеть сегодня вечером у костра.

Мэнди везла меня по дорожке к нашему домику. Бэтси шла рядом и насвистывала что-то. Впереди нас шел Чип, разбрасывая ногой гальку. Его силуэт выглядел в темноте громадным. Как хорошо, что именно он решил пойти с нами, а не Поль, не Джеред или другие ребята. Далеко впереди скакала по дорожке Эйприл.

– Интересно, все ли ребята пойдут завтра в поход? – закричала она, оборачиваясь.

– Держу пари, – отозвался Чип, – что они уже собираются.

Эйприл присвистнула.

«Ох, уж эта Эйприл, – подумала я. – Сейчас она непременно будет допытываться у меня, пойду ли я в поход. И мне придется кричать на весь лагерь, что я пойти не смогу».

Эйприл снова обернулась к нам.

– А ты пойдешь, Мэнди?

Мэнди остановилась, перестав толкать мою коляску, и вытерла руки о свои джинсы.

– Я надеюсь, что да.

Теперь настала моя очередь отвечать:

– Я думала, что смогу пойти с вами, но Моника предложила мне завтра утром пойти искупаться в озере.

– Ну, я надеюсь, тебе будет так же весело, как и нам.

И Эйприл снова поскакала по дорожке.

Чип повернулся к нам и сказал:

– Иногда она бывает настолько глупой.

Бэтси даже не улыбнулась, а нас с Мэнди замечание Чипа развеселило.

Когда мы подошли к месту, где дорожка сворачивала к домику для взрослых, Чип на минутку остановился:

– Нам будет очень не хватать тебя во время завтрашнего похода. Но я желаю тебе весело провести время с твоей сестрой.

– Да, конечно! – ответила я.

Я не знала, что собирается завтра делать Моника после завтрака. Я чувствовала себя виноватой – ведь я солгала ребятам.

7

На следующее утро я проснулась очень рано, быстро прошлась расческой по волосам и выехала из домика. И все же я прозевала завтрак. Тем не менее я не хотела, чтобы ребята ушли в поход, не увидевшись со мной.

– Куда это ты, Дарси, так рано? – спросила мама мне вослед.

– В поход... то есть, я хочу сказать, я иду купаться.

– Ой, скажи лучше правду. Ведь ты даже не взяла с собой купальник.

Я только сейчас заметила, что поехала на пляж в джинсах и майке.

– О, а я и забыла! – повернула коляску и достала свой купальник из сумки. Я повеси-

ла его на ручку коляски, на самом видном месте, чтобы каждый мог видеть, что я иду плавать.

– Дарси! С кем ты идешь на озеро? – продолжала допрос мама. – Ты ведь знаешь, что ты не можешь даже переодеться самостоятельно. Тебе придется для этого лечь...

Но я уже выехала за дверь, на полной скорости направляясь к вахте у домика для молодежи. Я специально выбрала такой путь к домику, чтобы издалека увидеть всех ребят из нашей группы. Эйприл, как я заметила, надела новые спортивные ботинки – высокие, с яркими красными шнурками. Чип и Джеред повесили на плечи тяжелые рюкзаки с походными принадлежностями. Бэтси направилась ко мне.

– Я надеюсь, ты неплохо проведешь время на озере, Дарси! Хороший купальник! – сказала она и посмотрела мне прямо в глаза.

Я почувствовала себя так, словно она взглянула мне прямо в сердце, читая всю правду, как умели это делать мама и Мэнди. Но я не смутилась. И так же прямо посмотрела в глаза ей. Я знала, что Бэтси все прекрасно понимает. И она не жалеет меня, она просто понимает меня, и это было прекрасно.

– Может, я что-нибудь могу сделать для тебя до того, как мы уйдем? – спросила она.

Я покачала головой и улыбнулась.

– Эй, ребята! Давайте встретимся с Дарси на озере сразу же после похода!

Ребята согласились, взяли свои вещи и направились вверх по тропинке. Я сидела, теребя свой купальник, и смотрела им вслед до тех пор, пока последний из них не скрылся за поворотом.

Как мне хотелось, чтобы сейчас здесь, рядом со мной, оказалась моя Коробка! Но так как я оставила ее дома, я могла только мысленно сочинять для нее письмо. Ну почему я не такая, как все? Почему я не могу пойти вместе со всеми в поход? Опустить ноги в горный ручей? Ощутить пальцами ног перекатывающуюся гальку на дне ручья? Попрыгать через поваленные деревья? Просто шлепнуться в лужу? Побросать камушки с откоса? Полюбоваться видом, открывающимся с вершины горы?

Заслонив рукою глаза от солнца, я смотрела, не увижу ли своих друзей на горной тропинке. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Еще один День Печали. Ну уж нет! Я не позволю быть этому! Я так решила! Я огляделась, ища глазами бабочку. Но только ветки сосны, покачивающиеся под порывами ветра, были двигающимися предметами в окрестности.

«Господи! Родной! Пожалуйста! – молила я, сжав пальцы перед глазами. – Мне сейчас, как никогда, нужно увидеть бабочку! Ну, пожалуйста! Я не могу идти в поход, я не могу увидеть сама творение Твоих рук! Ты сделай так, чтобы какая-нибудь тварь, созданная Тобой, сама пришла сейчас ко мне! Пошли мне бабочку или гусеницу! Кого-нибудь!»

Я шмыгнула носом и огляделась вокруг. Целых десять минут я сидела неподвижно. Но напрасно. Даже ветки сосны, и те перестали качаться.

Я бросила свой купальник на подножку коляски и медленно поехала назад к домику. Мама и папа выходили из дверей, чтобы идти завтракать, и я решила поехать вместе с ними в столовую.

– Ну как раннее купание? – спросила мама. Она погладила меня по голове, как будто ожидая, что я сейчас начну плакать.

– Я не купалась, – ответила я как можно спокойнее.

В столовой мы сели на свободные места. Папа набросился на горячие оладьи с сиропом, а мама потягивала кофе, закусывая его гренками с джемом. Я же не могла есть вовсе.

После завтрака я пошла на озеро вместе с

родителями. Моника тоже была здесь. Мы наблюдали, как Джош пытается освоить каноэ. Мне хотелось тоже со всеми домашними болеть за Джоша, подбадривая его, но мое настроение не способствовало этому. Я просто молча наблюдала за тем, что происходит на озере.

Прошло довольно много времени, а я все оглядывалась вокруг в поисках бабочки. Но нет, на берегу озера их тоже не было.

Неожиданно я услышала крики и смех, доносящиеся из домика молодежи. Я взглянула на часы. Похоже, что компания уже вернулась из похода. «Давай, Джош!» – с неожиданным энтузиазмом закричала я и быстро поехала по дорожке от озера.

– Куда ты помчалась? – спросила меня Моника.

– Меня ждут ребята!

Когда я наконец остановилась у домика для молодежи, ребята в изнеможении сбрасывали со своих плеч рюкзаки и сваливали их в кучу.

– Ну как поход?

Несколько ребят показали мне волдыри на ладонях, а девчонки платками вытирали лица и руки. Я повернула голову и увидела Эйприл, которая, обнимая Эми, махала мне рукой. Я тоже махнула ей рукой.

– А где Мэнди? – спросила я.

Эйприл показала в сторону Бэтси, которая отряхивала свой рюкзак от пыли. Позади нее сидели Мэнди и Чип и о чем-то тихо переговаривались.

– Эй, Бурундук! – обратился Джеред к Чипу, и все рассмеялись.

– Бурундук? – удивилась я, подъезжая к Мэнди.

Она хотела было уже сделать ребятам замечание, но, увидев, что я подъезжаю к ним, сдержалась.

– Чип – Бурундук! – хихикала Эйприл. – Это прозвище теперь будет у тебя в колледже.

Мэнди встала и отряхнула свои джинсы. Она объяснила мне, что на рюкзак Чипа налетело семейство бурундуков, которое утащило все его съестные припасы. Все рассмеялись снова, когда она рассказывала эту историю. Чип старался выглядеть безучастным, но видно было, что он смущен. Бэтси улыбалась. А я старалась не рассмеяться вместе со всеми.

Как только ребята успокоились и пришли немного в себя, они разбрелись по домикам, а Чип задержался возле меня. Он привязал свой шейный платок к моему колесу и спросил:

– Ну как, ты уже нашла себе няньку?

Раньше я бы просто рассмеялась над подобным глупым вопросом. Но на этот раз шутка Чипа, хотя я знала, что он не имел в виду ничего дурного, почему-то больно задела меня.

– Вы много потеряли, что не пришли на озеро! – сказала я бодрым тоном.

– А что там было? – спросила Мэнди.

– О, фантастические соревнования на каноэ и все такое прочее, – сказала я так, словно я тоже принимала в этом участие.

Неожиданно я почувствовала резь в желудке. Я не могла сказать, было ли это от того, что я ничего не ела сегодня, или от того, что мне очень тяжело давалась эта игра перед моими друзьями. Мне казалось, что все видят, что я их обманываю.

Затем я поехала в свой домик, сказав, что мне надо взять деньги для кафе. Мэнди и Чип пошли дальше, а Бэтси не торопилась уходить.

Я не могла взглянуть на нее. Мне казалось, что мое лицо горит от стыда. Ну почему я не вижу сейчас ни одной бабочки?

Я въехала в дом и пригласила Бэтси войти следом за мной.

– Тебе нужна какая-нибудь помощь, чтобы найти мелочь? – спросила она.

Я не могла больше притворяться. Как-то надо было выходить из создавшегося положения:

– Да. Мой кошелек лежит на кровати.

Бэтси принесла его и положила мне на колени.

– Теперь все в порядке?

– Да, конечно! – ответила я, низко наклоняясь над кошельком.

– На самом деле? – спросила Бэтси, присаживаясь рядом со мной.

Я посмотрела ей в глаза и расплакалась. Я бормотала что-то о своих разных чувствах, которые боролись во мне, и говорила, что я хочу быть здоровой, как все, и я хочу ходить в походы, и плавать, и просто гулять с Чипом и Мэнди. И еще была одна причина такому моему поведению: я ненавидела это чувство, но я ревновала Чипа к Мэнди, когда они оставались вдвоем. Чип и Мэнди! Два моих лучших друга!

– О Дарси! – сказала Бэтси, обнимая меня. – Это так трудно быть не такой, как все!

Я кивнула. Мне было хорошо, что я кому-то смогла излить свою душу.

– Но подумай, Дарси, ведь у тебя столько достоинств! Я не имею в виду твои прекрасные волосы, голубые глаза или веснушки, – и

она чуть-чуть щелкнула меня по носу. – Я говорю о другом: ты умеешь сопереживать. И ты умеешь глубоко чувствовать и понимать других. Ты ведь пережила такие жестокие испытания, которые не по плечу и многим взрослым. И вышла из них с честью.

– Но это не спасает меня от мыслей обо всем этом.

– Бог все видит, Дарси! Он сам заботится о тех, кто не может заботиться о себе.

– Я молилась сегодня, – сказала я, всхлипывая. – Я не могла пойти вместе со всеми в поход, и я попросила Бога, чтобы Он послал мне в утешение хоть какой-нибудь знак в виде живого существа. Но ничего не произошло. Ребятам посчастливилось – они встретились с бурундуками. А я даже гусеницы не увидела.

– Бог не ответил на твою молитву? – Бэтси убрала волосы с моего заплаканного лица.

Я отрицательно покачала головой.

– Должно быть... должно быть, Он ждет.

– Ждет? Чего?

– Возможно, чтобы ответить тебе таким удивительным образом, о котором ты даже и не догадываешься. Как-то очень по-особому.

Бэтси улыбнулась доброй, открытой улыбкой и сжала мою руку:

– Запомни. Как-то по-особенному.

8

Следующие дни были просто сумасшедшими. Лагерная жизнь настолько захватила меня, что я и думать забыла о том грустном утре, когда я не смогла пойти в поход.

Джош готовился к участию в соревнованиях на каноэ. Моника пригласила меня и Мэнди болеть за ее любимую волейбольную команду. Мы устроили бега в мешках и соревнование, кто больше съест арбузов. А я еще гуляла со своими друзьями по окрестностям лагеря, плавала под водой с аква-лангом и ходила смотреть лошадей. И, конечно же, утром и вечером мы слушали проповеди нашего пастора.

Последние свои проповеди пастор Роб по-

святил молитве. Он понимал, что сейчас нам не до долгих разговоров: очень уж хотелось поиграть на озере или побегать под жарким солнцем. Но в один из вечеров его проповедь настолько захватила меня, что мне не хотелось даже уходить.

Пастор Роб стоял перед нами, держа одну руку на Библии. Он говорил, что Бог всегда слышит молитвы. Но иногда Он выполняет просьбу людей, а иногда нет. Иногда Он долго заставляет ждать, пока наконец не решит, что пора ответить. А иногда Бог сразу же откликается на нашу молитву, но совершенно не таким образом, как мы того ждем.

Я сидела, чистила ногти, но слушала пастора очень внимательно. Я думала, как отнесся Бог к моей молитве в то утро, когда был поход в горы. Не забыл ли Бог о моей просьбе?

Наверное, Бог решил, что моя просьба очень глупая и ничтожная, чтобы обращать на нее внимание. А может быть, Бог хотел, чтобы я стала взрослее и серьезнее и тогда уже обращалась к Нему с молитвой? Да, не стоит, наверное, просить о пустяках.

Пастор Роб закрыл свою Библию и, помолвившись, пожелал нам спокойной ночи. Я накинула на себя кофту и медленно поехала за мамой и папой к нашему домику, наслаждаясь сиянием звезд на небесах.

Это было самое звездное небо, которое я когда-либо видела. На нем было столько звезд, что оно просто переливалось от их сияния.

«Когда взираю я на небеса Твои... на луну и звезды...» – вспомнила я строчку, прочитанную мною в Библии Моники неделю назад. Ты такой вездесущий, Господи! Как Ты можешь найти время и для меня? Наверное, мне не стоит тревожить Тебя по пустякам. Теперь я буду просить Тебя только о серьезных вещах. Я буду обращаться к Тебе только в случае крайней нужды».

Подумав так, я загрустила. Как будто я что-то потеряла или с чем-то рассталась.

Моника перебирала дрова за нашим домиком и подбрасывала их в костер. Сегодня вечером мы решили приготовить ужин на углях. С нами была и Мэнди.

Как только огонь хорошо разгорелся, мы расстелили подстилки вокруг костра и расположились на них. Моника затачивала палочки, а мы с Мэнди открывали коробочки с машмэллоус.*² Я начала нанизывать их на палочки и класть в огонь. Моника уже слизывала горячие тянучки со своей палочки. Я

*2 Машмэллоус – американское блюдо.

была рада, что она тоже захотела провести с нами этот вечер.

Отблески костра играли на моем лице. Я слышала, как трещат цикады в овраге и как мама напевает что-то в домике. Это была какая-то удивительная ночь.

Моника нанизала еще один машмэллоус на палочку и сунула ее в костер. И в это время что-то зашевелилось у нее за спиной. Я пристально взгляделась в темноту. Что-то огромное и темное продолжало двигаться. Я опустила свою палочку и заслонила рукой от дыма. Похоже, позади Моника стояла огромная черная собака.

Моника продолжала поджаривать свой машмэллоус на огне, напевая ту самую песню, которую пела мама в домике. Громадная собака снова зашевелилась и вдруг встала на задние лапы. «Собаки так не делают!» – пронеслось у меня в голове. И тут только я поняла, что это была не собака. Это был медведь!

Всего в каких-то нескольких сантиметрах от моей сестры!

– Моника, ради Бога, не шевелись! – прошептала я взволнованно.

Моя сестра посмотрела на меня странным взглядом. Мэнди перестала распаковывать очередную коробку с машмэллоус.

– Моника! Позади тебя медведь!

– Дарси! – Моника с возмущением вздохнула. – Когда ты, наконец, прекратишь свои дурацкие шуточки?

Мэнди пыталась взглянуть в темноту, чтобы проверить, действительно ли там кто-то есть.

Медведь потянул носом, вдыхая запах шоколада, печенья и машмэллоус. Неожиданно он еще выше поднялся на задних лапах.

– Моника! Слушай меня! Честное слово, медведь, и он совсем рядом! – я показала на него глазами.

Наконец-то сестра поняла, что это не шутка. Она уронила палочку с машмэллоус, встала и нос к носу столкнулась с медведем.

– О! – она едва сдержалась, чтобы не закричать, и снова села на бревно. – Действительно, медведь!

– Не двигайся, не двигайся! – стала я умолять ее.

Мэнди тихонько подобралась поближе ко мне.

– Что же нам делать?

Медведь между тем обнюхивал свитер Моники, ее ногу и даже лизнул машмэллоус, который она уронила на землю. Теперь, когда он подошел близко к огню, мы увидели, какой это был гигант. Его темная шкура

поблескивала в отсветах костра, а его когти были длинными и крепкими, как ножи. В то время, когда он закусывал машмэллоус, мы увидели его длинный розовый язык и острые зубы. Теперь он стал искать, чего бы еще съесть.

Когда он отошел от Моники и направился ко мне, Моника спряталась за бревном. Мэнди теснее прижалась к моей коляске.

– Что делать? – ее охватила паника.

– Главное, не шевелись, – прошептала я. – Я думаю, он просто хочет есть.

Громадный медведь обошел вокруг костра и начал обнюхивать ножную педаль моей коляски. Он чихнул, обнюхав покрывало, которым я прикрыла свои ноги. Я спрятала руки тоже под покрывало, так как запах шоколада и машмэллоус на моих пальцах мог бы привлечь его внимание. Трудно было поверить в происходящее – настоящий медведь у самых моих ног! Я похолодела от ужаса. И сидела так тихо, как никогда в моей парализованной жизни.

Когда медведь обходил вокруг моей коляски, Мэнди не выдержала и бросилась наутек. Она споткнулась о камни на дороге, вскочила и бросилась к Монике, спрятавшейся за деревом.

И только я, беспомощная и одинокая,

осталась один на один с громадным медведем. При всем своем желании я не могла сдвинуться с места – под передние колеса моей коляски были подложены большие камни.

И тут я вспомнила, что в руках у меня несколько машмэллоус. И меня осенила блестящая идея.

«Ну, ну, господин медведь! – стала приговаривать я, бросая угощение подальше от себя. – Идите за ним!»

Его большая голова повернулась. Он принюхался и пошел к машмэллоус, упавшему на землю.

В этот момент моя мама выглянула из открытой двери домика.

– Что здесь происходит? – закричала она.

Этого оказалось достаточно, чтобы спугнуть медведя. Он зарычал и отпрыгнул от костра, и, перевернув миски, исчез в темноте.

Послышался беспорядочный шум и беготня. Мои родители позвали соседей. Захлопали открывающиеся двери, прожектор осветил лес, а кто-то даже включил сирену. Весь лагерь пришел в движение.

– Миссис де Ангелис, с вами все в порядке? – услышала я голос Бэтси.

– Дарси, что случилось? – спросил Чип.

– О, Дарси была великолепно! – тут же затараторила Мэнди.

Все сгрудились вокруг костра и уставились на меня.

– Я... я думаю, мне повезло, что я не могла пошевелиться. Медведь, кажется, даже не заметил меня, – храбрилась я.

– Ты что, не испугалась? – спросила Эйприл, широко раскрыв глаза.

Я немного подумала:

– Нет, не испугалась. Я была в шоке. Подумать только: оказаться нос к носу с самым настоящим медведем!

Когда испуг прошел, мы все восприняли происшедшее как забавный эпизод, не более.

– Какая блестящая идея – отвлечь медведя от себя, бросая ему лакомство! – проговорила Моника. – У меня рядом стояла целая сумка с машмэллоус, но первое, что мне пришло в голову, это подальше спрятать их от медведя.

– Да, вы с Мэнди отличились! – заметила мама. – Разбежались в разные стороны, а Дарси оставили одну с медведем.

– Ну мамочка! Я была уверена, что он не сделает мне ничего плохого. Нет худа без добра! Из-за того, что я была прикована к коляске, мне не оставалось ничего другого, как сидеть тихо-тихо.

– Да уж, что-то, а сидеть неподвижно ты умеешь, – заметила Моника.

– Что это был за медведь, Дарси? – спросил Чип.

И только после того, как мы много раз пересказали происшедшее с нами, люди наконец стали расходиться по своим домикам. Бэтси шла рядом со мной и обнимала меня за плечи. Вдруг она прижалась ко мне щекой и спросила:

– Ну как?

– Что «ну как»? – не поняла я.

– Что ты теперь думаешь по поводу ответов на молитвы?

Я остолбенела.

– Да, ты была права! – проговорила я. – О! Это была не бабочка и не гусеница! Бог послал мне медведя!

– Вот так Бог иногда по-особенному отзывается на молитвы, – прошептала Бэтси.

После того, как мама помогла мне лечь в постель, я долго лежала, наблюдая за лунным светом, падающим из окна. Я была слишком взволнованна, чтобы спать, но это было не только из-за медведя. Я все думала о том, что мне сказала Бэтси. Бог так неожиданно и необычно подал мне знак и сделал это специально для меня.

Для Бога нет незначительных или глупых просьб. И пастор Роб был прав – Бог может иногда выждать время, чтобы потом дать

нам неожиданный ответ на нашу молитву, совсем не такой, какой мы ожидали.

И вот еще что волновало меня. Если Бог так внимательно относится даже к таким незначительным просьбам, вроде моей, тогда как же Он должен относиться к серьезным, жизненно важным мольбам? Как, например, к молитвам о моей инвалидной коляске, или о том, как мне хочется походить босиком по горному ручью?

Боже! Ты сделал нечто необычайное сегодня вечером! Ты дал мне более того, что я ожидала! А может, быть не такой, как все, не так уж и страшно? Но как я могу быть ущербной и любить это? Я не знаю, смогу ли я? Научи меня, пожалуйста!

Туча закрыла луну. Я не знала, как Бог ответит мне. Но я знала: Он ответит. И я догадывалась, что это будет необыкновенный ответ.

9

Семейный завтрак был рано утром. Я, вопреки обыкновению, была голодна и поэтому с удовольствием принялась за вафли, яйца, бекон, а также жареный картофель с кетчупом. Мне было неудобно отвечать на вопросы с набитым ртом, но люди постоянно подходили и расспрашивали нас о медведе.

– Ты готова играть в волейбол? – спросила меня Мэнди, подходя к нашему столу с мячом в руках.

– О, а я и забыла, – сказала я, вытирая рот салфеткой. – Я сейчас. А ребята уже разбились на команды?

– Еще нет. Зато мы уже выбрали капитанов.

– Ну и кто же они? – спросила я, откидывая назад челку и отъезжая от стола.

– Чип – в команде «бурундуков», – проговорила Мэнди, перекидывая мяч из одной руки в другую. – А... Дарси – в команде «медведей».

– Ты шутишь?

– Вовсе нет! Разве это не здорово? – заulyбалась она. – Мы собрались все вместе сразу же после завтрака и проголосовали.

– Дарси! Как я за тебя рада! – сказала мама, допивая кофе.

– А вы пойдете болеть за меня? – спросила я у своих. Джош построил недовольную рожу и отрицательно покачал головой.

– Как тебе не стыдно, Джош! Я ведь болею за тебя на соревнованиях по каное.

Папа взглянул на него и сказал:

– Она права.

– Ну ладно, ладно! – проговорил Джош.

Спустя несколько минут мы с Мэнди были уже на волейбольной площадке. Это была не очень хорошая площадка. Но, по крайней мере, сетка была почти целая и хорошо натянута. Покрытие было твердым – для меня, в моей коляске, это было очень удобно, но не для тех, кто на него мог упасть.

Я подбросила мяч, пробуя силы. Бэтси

стояла на другом конце площадки, отмечая белым порошком штрафную черту. Раздался свисток, и ребята стали собираться на поле.

Пора было определить составы команд.

– Эй, Чип! Дарси! Все в порядке? – Бэтси посмотрела на нас. – Тогда давайте составлять команды.

Разбивка на команды шла быстро. Чип постарался собрать у себя лучших игроков, но зато мне удалось заманить к себе Поля, который, по общему мнению, не знал равных у сетки. Напротив него стояла Эми. В конце концов мы набрали команды и даже запасных игроков: Роситу – новую девочку в нашей общине и Эйприл, которая славилась отдельными красивыми бросками, но в целом была плохим игроком.

Я чувствовала себя не в своей тарелке из-за того, что они были вне игры. Уж я-то знала, каково это.

– Эйприл! Не унывай. Ты же все равно с нами! – закричала я.

– Спасибо и на этом! – хмыкнула Эйприл, пробегая мимо меня.

– Внимание! – закричала Бэтси. – Дарси! Ты начинаешь. Готова?

– Готова! – отозвалась я.

Мама, папа, Моника и Джош аплодирова-

ли нам с боковой трибуны вместе с другими болельщиками.

Мы открыли счет, получив перевес в пять очков, но потом потеряли мяч, который перешел к Чипу, и он постарался вернуть славу «бурундукам». После двух очков мяч снова перешел к нам, и Эйприл вышла на площадку. Она сделала дальний бросок, и мяч, едва коснувшись сетки, упал на поле «бурундуков».

– Отлично! – закричала я.

Эйприл, ожидая оваций, победоносно оглянулась на трибуны.

К несчастью, ее следующий бросок был не столь удачен, и «бурундуки», воспользовавшись ситуацией, вышли вперед, опередив нас на три очка. Наша команда снова сделала перестановку, и Эйприл теперь оказалась рядом со мной.

Я не могла вспомнить толком, что же произошло потом. Все, что я помнила, – это мяч, летящий в нашу сторону. Я закричала об этом Эйприл, и она бросилась наперерез ему. Я почувствовала удар, и моя коляска чуть не перевернулась. Эйприл корчилась на земле от боли.

– О-о-о! Я сломала ее... Я ее сломала! – кричала Эйприл. Выглядела она ужасно.

Бэтси свистнула и собрала ребят вокруг

себя, чтобы родители могли срочно оказать Эйприл помощь. Я была в шоке. Что я наделала!

Эйприл застонала, когда папа осматривал ее и спрашивал, что у нее болит. Эйприл показывала на свою лодыжку, которая сильно опухла.

– Эта проклятая коляска! Я бы не упала, если бы она не наехала на меня.

Я чувствовала себя ужасно. Я ничего не говорила, да и что я могла сказать?

– Нет, Дарси, ты не подумай! Твоей вины тут нет, – говорила Эйприл между стонами. – Это все твоя ужасная коляска.

Но этой «проклятой коляской» и была я, сознавала или не сознавала этого Эйприл. Мне даже на секунду показалось, что Эйприл это понимает. И я принялась перебирать спицы своей коляски, чтобы отъехать назад.

– Не двигайся, Дарси! – закричала Эйприл. – А то ты проедешь и по второй моей ноге.

– Я не наехала на тебя, Эйприл! Ты сама наскочила на мою коляску!

– Хватит, Дарси! – одернул меня отец.

– Но папа...

– Никаких «но»!

– Что, нога действительно сломана, мистер де Ангелис? – спросила Эйприл.

В это время на площадке появились родители Эйприл. Они вместе с моим папой подняли Эйприл и отнесли ее в медпункт.

Я знала, что ничего не сделала плохого, но от этого мне было не легче. Я и моя коляска, казалось, находились под обстрелом тысячи глаз.

Бэтси увела ребят с поля и подошла ко мне. Она, как обычно, обняла меня за плечи:

– Не надо отчаиваться от того, что произошло из-за твоей коляски. Успокойся. Тебе уже лучше?

Я кивнула головой, слегка лукавя.

– Не принимай все близко к сердцу! – сказала Бэтси, глядя меня по плечу. – Я надеюсь, с Эйприл уже все хорошо. Я сейчас пойду посмотрю, как она там.

Бэтси направилась прочь, но вдруг остановилась и обернулась:

– И помни: что ни делается, все к лучшему, Дарси! Вот увидишь!

Я уж было снова впала в отчаяние, как вдруг заметила двух бабочек, порхающих на другой стороне волейбольной площадки. Они кружились и танцевали, а затем упорхнули куда-то по своим делам. Это был знак мне.

Собственно, то, что произошло, нельзя было считать трагедией. Никто не подорвал-

ся на бомбе, и национальная охрана не была вызвана к месту происшествия. Эйприл будет жить. Я, надеюсь, тоже не умру. Жизнь продолжается.

Так что нечего раскисать, жалея себя и Эйприл. Как-нибудь все утрясется. Размышляя так, я тайно поздравила себя с тем, что научилась думать очень трезво и мудро.

И тут подошла Моника:

– Ну что, старина! Сегодня ты в опале? – сказала она.

Я увидела, как Бэтси входит в дверь медицинского пункта.

– Может быть! – ответила я. – А может быть, и нет.

10

Когда я подъезжала к столовой, чтобы позавтракать, я увидела сидящую на скамейке Эйприл с загипсованной ногой и с костылями, лежащими рядом с ней. Она растянула связки на лодыжке, и врач велел ей держать ногу в покое как можно дольше. Все это удручало Эйприл – она не могла не быть в гуще событий.

Я подъехала к ней:

– Как ты себя чувствуешь?

Ее мама с папой кивнули мне и заулыбались, но, судя по их взглядам, я поняла, что Эйприл представила дело так, будто все произошло по моей вине. Мы сели за один стол.

Эйприл вертела в руке вилку:

– Надеюсь, что самое страшное позади.

– Я очень сожалею о том, что произошло, – я специально подчеркнула слово «сожалею».

Эйприл облокотилась о стол и уставилась в тарелку. А ее мама сказала:

– Мы понимаем, что ты не могла быстро убрать свою коляску с дороги.

Я почувствовала, что начинаю злиться. Я собралась уже было объяснить, что я только закричала Эйприл о том, что к нам летит мяч и что это Эйприл сделала неверное движение, но передумала.

– Ну вот. Теперь мы обе – калеки, – проговорила я, улыбаясь. – Но, как я уже сказала, мне очень жаль, что все так произошло.

Эйприл смягчилась после моих извинений.

– Ну, все хорошо, что хорошо кончается! Все не так уж и страшно. Мне просто очень обидно, что теперь я не смогу принимать участие в «Ночи вестерна».

Сегодня вечером все отдыхающие собирались принять участие в карнавале, одевшись в костюмы жителей «дикого Запада». Пастор Роб должен был стать нашим беспристрастным арбитром и наградить призами самые оригинальные костюмы. А у меня это совершенно вылетело из головы.

– Я думаю, что мы с тобой сегодня должны выступить вдвоем – «дуэт калек», или что-нибудь в этом роде, – отшутилась я.

Но по взгляду, который Эйприл бросила на меня, я поняла, что она не оценила моей шутки. Может быть, правда ранила ее – ведь так трудно быть ущербной в чем-то. А может быть, она не могла смириться с тем, что теперь все будут относиться к ней, как к инвалиду, как ко мне.

Я попрощалась и поехала к Бэтси, которая уже заканчивала завтракать вместе с остальными ребятами. Все оживленно обсуждали, кто что наденет на «Ночь вестерна». Джеред хотел нарядиться ковбоем. Несколько ребят решили предстать торговцами виски. Эми мечтала о костюме Анни Оуклей, а Чип и его друзья решили, что неплохо нарядиться шерифом и его охраной.

Я заметила, что Росита, испанская девочка, ничего не говорит. Так же, как и я, она сидела молча и слушала, как ребята строят планы на вечер.

Бэтси убрала свой поднос и встала:

– Послушайте, ребята, все ваши идеи звучат великолепно. Но помните: мы должны представлять одну команду, так как мы живем в одном домике. Поэтому каждый должен играть свою роль в общем спектакле.

– Но это невозможно! – возразил Чип.

– Я так не думаю, – ответила Бэтси. – Кроме того, это поможет тебе думать о всей команде.

Несколько ребят тяжело вздохнули и стали убирать подносы. Через несколько минут нас осталось всего четверо: Бэтси, Росита, Мэнди и я.

– Ну, девочки, какие есть идеи? – Бэтси облокотилась о стол.

– Мне кажется, что идея с людьми шерифа – самая хорошая, – сказала Мэнди. – По крайней мере, почти все тогда смогут в ней участвовать.

– Почти все – это еще не все. А нам надо, чтобы участвовали все, – сказала Бэтси. Она взглянула на Роситу, которая только что убрала поднос. – И не забудьте про Эйприл.

– А что Эйприл? – спросила я.

– Она считает, что она не сможет участвовать в сегодняшнем представлении из-за ноги, – объяснила Бэтси.

– Подумаешь! Растянула связки! Не велика беда! – сказала Мэнди. – У Дарси вообще все тело искалечено, но она и то не собирается пропускать сегодняшний карнавал. Правда ведь, Дарси?

Бэтси подхватила:

– Вот, вот, Дарси! Именно поэтому тебе

лучше, чем кому-либо другому, удастся договориться с Эйприл. Помогите ей, подбодрите ее как можете.

– Я? Помочь Эйприл? Да она взвилась от одной только моей фразы, когда я сказала, что теперь мы обе – калеки. Она не хочет помощи от меня.

– Послушайте меня, вы обе. Вы – умные, чуткие и очень славные девчонки. И вы должны понять, что ваша подруга Эйприл нуждается в вашей поддержке. Она сейчас чувствует себя очень несчастной, – сказала Бэтси.

– Несчастной и неуверенной в себе? Эта Мисс-Центр-Внимания? – засмеялась Мэнди.

Я была согласна с Мэнди. Эйприл могла быть какой угодно, но только не неуверенной в себе. И даже если у нее было плохое настроение, это, по-моему, было вызвано не ее растянутыми связками. Я отчаянно пыталась не сравнивать свой собственный паралич и ее легкое растяжение. Если кто-то и имел право чувствовать неуверенность в себе, так это я.

Оглянувшись на Эйприл, которая шла, опираясь на костыли, я поняла, что была неправа.

– Ну как? Какие будут еще идеи, лучше? – снова спросила Бэтси.

Опустив голову, я задумалась. Нам надо было изобрести что-то необыкновенное. Что-нибудь совершенно особенное. И это должно увлечь всех. И вдруг меня осенило. Я взглянула на Мэнди, которая приветливо улыбнулась мне в ответ.

– Эй! Что за веселье? – спросила Бэтси.

– Я не очень уверена, – сказала Мэнди, смеясь. – Но я знаю, что означает этот взгляд Дарси: ей в голову пришла блестящая идея.

Да, это была блестящая идея, ну, по крайней мере, незаурядная. Я бросила свою салфетку на стол, повернула коляску и направилась к выходу. Мэнди помчалась за мной.

– Если вам нужна будет помощь, дайте знать! – крикнула нам вслед Бэтси.

11

– Простыни?

– Есть! – сказала Мэнди.

– Пятнадцать ярдов бельевой веревки?

– Есть!

– Пять вешалок для одежды? Картон? Краски и кисти? И посмотри, где тот хлыст, который мы сняли со стены?

– Есть, есть, есть. Все на месте.

Домик моих родителей был завален вешалками для одежды, ярдами бельевой веревки и тюками шпагата.

– Ты думаешь, у нас получится? – спросила Мэнди, бросая мне проволоку.

– Конечно, – ответила я. – Но это (я указала на весь этот хлам) еще цветочки, ягодки будут потом...

– Ты думаешь, ребят нелегко будет уговорить? – закончила мою мысль Мэнди.

– Да. И особенно Эйприл.

Мэнди, казалось, полностью ушла в свою работу.

– Эйприл? Хм. Ты действительно считаешь, что она чувствует сейчас неуверенность в себе, как сказала Бэтси?

«Откуда мне знать?» – подумала я. Я еще, в сущности, ребенок, а не умудренный жизнью старец. Эйприл обычно уходила со сцены только тогда, когда «юпитеры» переставали светить на нее. В этом была вся Эйприл. Но чтобы она предпочла тихий семейный ужин с родителями веселому времяпрепровождению с ребятами? Или отказалась от «Ночи вестерна», как последний нытик? Это было не в духе Эйприл.

Я вздохнула и сказала:

– Я знаю, как нелегко быть ущербной. Но, как всегда говорит папа, у каждого свои недостатки. Правда, это не очень утешает, когда люди не считают тебя такой же, как они.

– Что я слышу? Неужели это говорит неунывающая Дарси, которая всегда утверждает, что ей плевать на то, что она передвигается в коляске? – Мэнди пристально посмотрела на меня.

Я вздохнула снова – глубоко вздохнула. Милая, славная Мэнди. В последнее время я отдалилась от нее. Но сейчас, сидя с ней вдвоем в этой комнате, в этом домике, окруженном большими деревьями под громадным небом, я решила, что настало время нам поговорить откровенно:

– Я стараюсь все время шутить, Мэнди. Но во мне столько всякой дряни. Я имею в виду те мысли, о которых я тебе никогда не говорила.

И я рассказала ей о последнем дне в школе и о моем страхе перед колледжем. Я рассказала ей о моей Коробке и о моем одиночестве, особенно в первые дни в лагере. Я даже рассказала ей о своих бабочках и о том, насколько я стала ближе к Богу.

– И ты откровенничала обо всем этом с... коробкой и игрушечным кроликом? А не со мной, твоей лучшей подругой? – Мэнди укоризненно взглянула на меня.

– Мне было страшно. Особенно после того, как вы с Чипом так сильно подружились.

– Сильно? – Мэнди улыбнулась. – Не «сильно», а просто сдружились. Дарси, поверь мне, как настоящему другу. Я скажу тебе честно и прямо: Чип увлекся вовсе не мной, а... тобой.

Я была ошарашена.

– Мной? О чем ты говоришь?

– Вспомни тот день, когда ты приехала к нам после нашего похода.

Я кивнула. Это был день, когда я увидела их двоих, отдыхающих на бревне и о чем-то тихо переговаривающихся.

– Вы тогда о чем-то шептались, как два голубка.

Мэнди округлила глаза.

– Мы говорили о тебе, глупышка! Он обмер, когда ты так неожиданно показалась на дороге. Он спрашивал меня, что сделать, чтобы ты забыла эту дурацкую историю с походом, и предложил больше никогда не расставаться с тобой. Не потому, что он жалел тебя, он просто хотел быть твоим другом.

Меня бросило в жар. Но мне страшно хотелось знать все до конца:

– Но что значило его дурацкое замечание о няньке?

– Просто шутка, Дарси. Не больше и не меньше, как глупая шутка.

И Мэнди стала рассказывать мне, как Чип мечтал о том, чтобы помочь мне, но не знал, как это сделать. Он спрашивал, как лучше – помогать мне передвигаться в коляске или я предпочитаю передвигаться самостоятельно? Как я отнесусь к тому, что

он будет носить мои книги? Не заденет ли это меня? Следует ли ему идти сзади меня, толкая мою коляску, или лучше идти впереди? В общем, довольно глупые вопросы, но Чип действительно не знал, как ему следует себя вести со мной.

Все время, пока я слушала ее, я мысленно возвращалась в те годы, когда я впервые увидела Чипа. Я всегда относилась к нему с интересом и тайно думала о нем. И по мере того, как он ростом становился все выше и симпатичнее, я смотрела на него все более внимательно, но все же Чип по-прежнему оставался для меня лишь добрым приятелем. Я была уверена в этом и, возможно, именно поэтому стала ревновать его к Мэнди, даже не сознавая этого.

– А помнишь, еще в школе, когда у твоей коляски спустила шина? – продолжала Мэнди.

Я кивнула, слегка смутившись.

– Чип мог бы запросто сменить ее. Но нет. Ты потребовала, чтобы твой папа пришел в школу со своими инструментами, хотя у Чипа в его велосипедной сумке всегда хранится набор всевозможных отверток и ключей. Он просто слишком застенчив, чтобы что-то предложить сделать.

– Чип – застенчив? Эйприл – не уверена в

себе? Мир сошел с ума. Я вижу, папа прав: у каждого свое.

– Да, но что касается тебя, то ты на голову выше большинства ребят. Тебе можно довериться. И ты думаешь о Боге... и о других.

– О других! – воскликнула я и посмотрела на часы. – Мэнди! «Ночь вестерна» начнется через несколько часов, а мы даже не рассказали о своих планах ребятам.

Мы быстро собрались, запахали простыни, веревки и проволоку в большую сумку и выскочили на улицу. Полуденная жара уже спала.

Бэтси встретила нас на тропинке у домика для молодежи.

– Где это вы пропадали так долго? – спросила она, всплескивая в возмущении руками. – Я сказала ребятам, что у вас родилась суперидея. Но вы превзошли все наши ожидания: мы ждем вас с вашей идеей более полутора часов.

– Хорошо! Послушайте! Сейчас я вам расскажу, что это за идея!

Пока ребята собирались вокруг моей коляски, я подумала, что даже хорошо, что у нас осталось так мало времени: ведь теперь уже поздно менять мои планы. Я чувствовала, что все будет просто замечательно. И мы с Мэнди стали объяснять каждому его роль.

Через минуту-другую Джеред вскочил и закачал головой:

– Я не знаю, что из этого получится... – начал он.

– Да. И мне что-то не очень хочется ходить на четвереньках, – заворчал Поль.

Несколько девочек тоже зароптали, но тут заговорил Чип:

– Я думаю, это великолепная идея. Она оригинальна, и в ней могут принять участие все. Я – за.

О! Мы с Мэнди обменялись понимающими взглядами. После того, как Чип поддержал меня, мне уже нечего больше бояться. Но больше всего меня удивила Эйприл.

– Дарси! Я счастлива, что ты отвела мне такую роль в спектакле! – она радостно улыбалась. – Ты действительно хочешь, чтобы я была самой главной фигурой в нашем представлении?

– Эйприл! Какая же ты глупая! Я только так и мыслила наш выход! – сказала я, хлопая ее по плечу.

Несколько ребят принялись разрисовывать картон, и через несколько минут он выглядел, как бок старого фургона. Другие ребята занялись простынями, разбрасывая их по земле и топчя их ногами, чтобы они стали грязными и мокрыми. Поль и Джеред

прикрепляли к моей коляске большой проволочный каркас.

Мэнди показывала девочкам, как им следует завязывать волосы, чтобы они походили на лошадиные хвостики. У Роситы была короткая стрижка, и Эми пришлось повозиться, чтобы сделать ей соответствующую нашему спектаклю прическу. Джеред и Поль набросили на девочек сплетенные из бельевой веревки уздечки, смеясь при виде их забавных хвостиков.

Чип намазал щеки и подбородок Эйприл золой из костра. Эйприл поморщилась:

– Уф! Зачем мне мазаться этой гадостью?

– Так надо! – сказал Чип, отряхивая золу с рук. – Ты будешь выглядеть очень естественно – борода, шейный платок.

В заключение он надел ей на голову старую ковбойскую шляпу, которую подобрал на выгоне. С кнутом в руке Эйприл выглядела великолепно.

Джеред и Поль натягивали грязные простыни на проволочные каркасы, натянутые над моей коляской. Моя яркая пурпурная коляска и я в ней постепенно исчезали под декорациями.

Ребята сгрудились вокруг меня, нанося последние штрихи на свои лица.

– Все готовы? – Бэтси махнула рукой, и

мы выехали на дорожку, направляясь в столовую.

У дверей мы остановились. Мы опоздали. Все уже были на месте, и мой папа даже вышел из дверей встретить нас.

– Куда это вы запропастились? – спросил он. – Все вас ждут.

Он замолчал, внимательно оглядывая наше сооружение.

– А где Дарси?

– Папа! Я здесь! – закричала я из-под простыней, проволоки и картона и Эйприл, сидящей на моих коленях.

Ребята заняли свои места, и Бэтси проверила, все ли в порядке. Затем они с папой распахнули двери столовой, и мы вошли.

Первыми на четвереньках шли Мэнди и Эми, изображая двух ведущих лошадок. Бельевая веревка соединяла их с другой парой лошадок – Роситой и еще одной девочкой, Джесси, которые размахивали головами, и их хвостики при этом взлетали, как лошадиные гривы. В бельевую веревку была впряжена еще одна пара девочек, которая, наподобие норовистых лошадок, при-топтывала на месте и била копытами.

Они тянули мою коляску, которая была превращена в повозку. Джеред и Поль выполнили громадную работу – они с помощью

веревки прикрепили к коляске разукрашенный картон, и теперь она выглядела, как настоящий старинный крытый фургон.

Эйприл сидела у меня на коленях с хлыстом в руках. Она сняла ковбойскую шляпу и махала ею всем, кто приветствовал нас в столовой.

Чип и Джеред изображали ковбоя и лошадь. Они поскакали к небольшому стаду коров, которых изображали остальные мальчики, передвигаясь на четвереньках и громко мыча. У некоторых коров даже были рога, снятые со стены лагеря и привязанные к головам шейными платками.

Так мы объехали весь зал. Эйприл кричала и свистела, взмахивая хлыстом и погоняя своих лошадок. Чип, сидя на Джереде, кричал: «Пошевеливайся, старина!» и делал вид, что вонзает шпоры в бока своей норовистой лошади. Затем мы подъехали к камину, где стоял пастор Роб с микрофоном.

Он смеялся и качал головой. Затем он успокоился и сказал:

– Я думаю, все согласятся со мной, что «Ночь вестерна» сегодня удалась на славу. Мы видели группу пони, индейцев и ковбоев с их очаровательными подружками. Но первый приз по заслугам получают наши подростки за сценку с фургоном. Ну-ка, скажи

нам, извозчик, – сказал он, протягивая Эйприл микрофон, – как тебе удастся справляться со всеми твоими питомцами?

– А это видели? – ответила Эйприл, щелкая перед ним своим хлыстом.

Все родители покатались со смеху. Славная старина Эйприл! Да, она, несомненно, заслуживает того, чтобы ее приняли в драматический кружок колледжа.

Затем ребята выпутались из веревок и встали на ноги. Эйприл не могла подняться без костылей. Когда их принесли, она медленно спустилась с моих колен и, к моему удивлению, обернулась и крепко обняла меня.

– Ой, я тебя всю перепачкала! – засмеялась она, показывая на мое лицо.

Я стала вытирать свои щеки, вымазанные золой. Но это было нестрашно. Ведь мы победили! Более того, я была счастлива, что мы победили, будучи одной командой. И даже Эйприл со своей поврежденной лодыжкой была с нами.

Бэтси подошла к нам поближе и тоже крепко обняла меня.

– Как тебе в голову пришла такая чудесная идея?

– Правда же, она получилась неплохо? – я кивнула на проволоку и простыни, разбросанные вокруг.

– Давай-ка я помогу тебе выбраться из этого сооружения, надо идти ужинать. Все уже давно ждут нас.

– С победой, друзья! – поздравила я всех ребят, подъезжая к столу и усаживаясь между Мэнди и Чипом. Мы были слишком взволнованы, чтобы есть.

Эми оживленно болтала с Роситой. Даже Эйприл, казалось, забыла про свою лодыжку. Сидя здесь с моими друзьями, я больше не чувствовала себя плохо. Да, я по-прежнему сильно отличалась от них, но я научилась не ненавидеть свою ущербность. Я научилась преподносить это с выигрышной стороны, чтобы компенсировать свой недостаток. Папа прав: у каждого свой недостаток. Ну, может быть, мой изъян гораздо заметнее, чем у других. Но это, как я уже поняла, не всегда так уж плохо.

12

Наступил последний день нашей жизни в лагере. Несколько семей уехали сразу же после завтрака, так как на этот раз у нас не было утреннего собрания. Я попрощалась с Бэтси заранее, и она подарила мне наклейку с эмблемой лагеря для моей коляски. И теперь я сидела у костра и думала о том, как мне будет не хватать лагеря, и сожалела о том, что так быстро пролетело время.

– Ты уже собралась, чтобы возвратиться в Виллоубрук? – спросила Мэнди, направляясь ко мне со стороны ущелья.

Ее белокурые косички подпрыгивали над рюкзаком за плечами. Держу пари, ей было так же тяжело покинуть лагерь, как и мне.

– Собралась! – вздохнула я, думая о том, что теперь даже Виллоубрук будет выглядеть по-другому. – Интересно, как там наши приятели – бульдог и сиамский кот?

Мэнди присела на камень рядом со мной.

– У нас теперь не будет времени долго общаться с ними. Даже остановка нашего школьного автобуса находится в другом конце городка.

Казалось, прошла целая вечность с той поры, когда мы шли по дороге к виллоубрукской начальной школе в тот последний учебный день. Несколько минут мы с Мэнди сидели молча, нежась в теплых лучах утреннего солнца. Ястреб крикнул в тишине, и мы услышали эхо в горах. Ветер качнул сосны, и мы заметили, как на землю упала маленькая шишка. Да, это чудесное время нашей жизни. В этот момент я решила, что эти минуты я запомню на всю жизнь.

– Здорово ты вчера поступила с Эйприл! Тебе пришла в голову блестящая идея – посадить ее к себе на колени и сделать извозчиком.

– Как она сегодня?

– Я видела несколько минут назад, как она шла из столовой. Я думаю, они скоро уедут.

Я подумала об Эйприл. Ей тоже будет не

хватать лагеря, несмотря на то, что она, несомненно, мечтает снять свою запыленную одежду и встать под теплый душ.

– Помнишь, о чем ты сказала мне недавно? О том, что Эйприл не уверена в себе?

– Да! – ответила Мэнди. – Ты тоже думаешь так?

– Да, я так думаю. Но я также думаю, что и я не уверена в себе, и Чип, и все мы. Просто мы боимся признаться себе в этом.

Мэнди подняла с земли палочку, которую мы когда-то приготовили для машэллоус, и провела на земле черту.

– Ты не убедишь меня в этом, – сказала она. – Дети, которые не уверены в себе, обычно попадают под влияние группы. Взрослые часто заставляют нас, детей, делать то-то и то-то, чтобы мы были хорошими. Я не собираюсь делать что-то только ради того, чтобы выглядеть хорошей, но некоторые вещи я вынуждена делать так, как это принято, значит, я тоже подчиняюсь общественной воле.

Я недоуменно посмотрела на нее.

– Ты была откровенна со мной недавно, теперь я отвечу тебе тем же. Бывает – не всегда, но бывает, – что я везу тебя в коляске, а при этом думаю: смотрите, какая я добрая, хорошая, отзывчивая.

– Ты шутишь, да?

– Нет, не шучу, – сказала она неожиданно серьезно.

Я начала смеяться.

– Не вижу, что здесь смешного?

Но это развеселило меня еще больше.

– Прекрати смеяться! – снова сказала Мэнди.

Я наконец взяла себя в руки:

– Ну теперь я хоть знаю, что и у Мэнди есть свой грешок.

– Возможно, но я вовсе не хочу, чтобы об этом кто-нибудь знал.

– Конечно, но тебе самой это не нравится, и это беспокоит тебя. Да?

Мэнди согласилась.

Я развернула коляску, чтобы посмотреть ей прямо в лицо.

– И ты знаешь, что я хочу еще сказать? Я поняла в последнее время нечто очень для себя важное. Помнишь медведя, который пришел к нам?

– Конечно, помню.

– Ну так вот. Веришь ты или нет, но я считаю, что это не случайно. Медведь был ответом на мою молитву, но ответ этот был совершенно неожиданным для меня.

Мэнди непонимающе взглянула на меня, не зная, к чему я все это говорю.

Я рассказала ей о своей молитве с просьбой послать мне какое-нибудь живое существо.

– И вчера... Ты знаешь, я не считаю, что идея с фургоном – моя заслуга, ведь это тоже ответ на мою молитву. Я просто решила использовать с пользой то, что больше всего огорчало меня, – мои парализованные ноги и мою коляску. Я решила принимать вещи такими, какие они есть, и постараться увидеть их с другой стороны. Бог научил меня, как извлекать пользу из того обстоятельства, что я не такая, как все. Видишь ли ты во всем этом смысл?

Мэнди оперлась на руки и кивнула.

– Я просила Бога сделать что-нибудь особенное в моей жизни. В самом деле, если уж Он послал мне медведя, то послать мне идею о том, как лучше устроить «Ночь вестерна», – это уже просто пустяк для Него.

– Ну хорошо, возможно, с медведем и фургоном все так и есть, – Мэнди немного подумала. – Но вот что я думаю: мы молимся только тогда, когда нам плохо, когда мы от чего-то устали или не знаем, как нам дальше быть.

– Да, ты меня понимаешь. И в такие минуты я научилась обращаться к Богу с молитвой и ожидать Его ответ. Иногда Он

может и не ответить. Иногда отвечает сразу. А бывает, отвечает совсем не так, как мы того ждем.

– Ты говоришь, как пастор Роб, – заметила Мэнди.

Прозвучал сигнал машины. Это родители Мэнди готовы были отправиться в путь. Она встала и отряхнула пыль со своих кроссовок.

– Я рада, что теперь ты знаешь, что такое молитва, – сказала Мэнди, похлопывая меня по плечу. – Я думаю, все мы очень скоро будем нуждаться в молитве, когда станем студентами колледжа. Колледж Джордан – это не шутка.

Она помчалась по дорожке к машине, остановившись на мгновение, чтобы махнуть мне на прощание рукой.

13

«Дорогая Коробка!

Я надеюсь, что смогу объяснить тебе, что сейчас со мной происходит. Время в лагере было прекрасно. Я даже решила, что я – дитя природы. Может быть, вместо того чтобы работать с детьми, я буду лесником. И я буду следить, чтобы в лесу не было пожаров (если, конечно, можно будет устроить подъемник в пожарной вышке).

Когда мы были в горах, я много думала о Боге. Там у меня еще была встреча с живым медведем. И все время вокруг летали бабочки.

Сейчас я окончательно поняла, что надо думать о других, а не жалеть себя. Конечно, завтра меня ждет серьезное испытание – на-

чало учебы в колледже. И я этого побаиваюсь. Я знаю, там у меня возникнет масса проблем, несмотря на то, что папа и мама обговорили с дирекцией все вопросы, связанные с моей коляской.

А в своей тетради я тайно написала одну фразу, чтобы ее никто, кроме меня, не увидел. Иисус сказал, что Он всегда будет со мной, никогда не покинет и не оставит меня. И я надеюсь, что и завтра Он пойдет вместе со мной в колледж.

*Искренне твоя
Дарси».*

Я аккуратно сложила письмо и положила его в коробку к другим своим письмам, а сама начала готовиться ко сну.

Я решила надеть завтра свои любимые линялые джинсы и алый свитер, под цвет шнурков на ботинках. Мои волосы, которые сильно отросли с июня, теперь уже можно было заплести в хорошую косу и украсить ее нарядными заколками. Только украшение в уши я никак не могла выбрать. Что лучше: золотые серьги в виде колец или пластмассовые клипсы? А ожерелье, которое мне подарила на день рождения Моника, я решила надеть непременно.

Я все детально продумала и снова почув-

ствовала сильное волнение. Мама пришла помочь мне лечь в постель. Она обложила меня подушками и положила подушки под колени. Затем погладила меня по волосам, погасила ночник и пожелала мне спокойной ночи.

Я старалась заснуть, но никак не могла. Я слышала, как Моника чистит зубы в ванной, и это снова навело меня на грустные мысли о том, что, вопреки уверенности родителей и администрации, я, возможно, не смогу обслуживать себя в Джордане. А вдруг действительно не смогу? Ведь мамы и папы там рядом со мной не будет.

Так я лежала около часа, не в состоянии заснуть, и думала, думала, думала обо всем на свете. Полюблю ли я учителей? Полюбят ли они меня? Подружусь ли я с ребятами? Попаду ли в один класс с Чипом? Или с Мэнди? Или хотя бы с Эйприл? Смогу ли я завтракать за столом? Как воспримут ребята тот факт, что я не смогу заниматься физкультурой вместе с ними, а буду заниматься по специальной программе для инвалидов?

Я думала обо всем, начиная с того, на какой высоте в колледже находятся стенные шкафчики, и кончая тем, смогу ли я выбирать нужные мне книги на библиотечных полках. В конце концов сон одолел меня.

Всю ночь мне снилось, как я переезжаю из класса в класс на эскалаторе, который то и дело начинал двигаться в обратную сторону.

На следующее утро я встала очень рано, хотя и не отдохнула как следует. Моника принимала душ. Джош собирал свой ранец, несмотря на то, что до занятий оставалось еще часа два. Я слышала, как мама на кухне разбивает в сковородку яйца на завтрак. Папа тоже собирался на работу. Все было, как обычно по утрам, но я не могла не думать о том, что сегодня происходит нечто особенное.

Я не могла поехать на школьном автобусе с Мэнди, Чипом и остальными. Мама собиралась отвезти меня в колледж сама, потому что в школьном автобусе не был предусмотрен скат для моей коляски. И тут я снова почувствовала, как сжалось мое сердце. Я представила себе, как наш микроавтобус въезжает на территорию Джорданского колледжа и мама помогает мне выбраться из машины. Я как будто увидела лица ребят, обернувшихся на меня.

Моника вышла из ванной, вытирая полотенцем волосы. Она помогла мне надеть джинсы.

– Тебе помочь забраться в коляску?

Она обула меня и подкатила коляску к

моей постели. Затем она приподняла мои ноги, а я, опершись на подлокотники, подтянулась и перебралась на сидение.

– Что-нибудь еще? – спросила она, поднимая упавшее полотенце.

– Дай мне, пожалуйста, мой алый свитер! – попросила я, показывая на шкаф.

Моника сняла свитер с вешалки.

– Переживаешь из-за колледжа?

Я не знала, как объяснить ей свое состояние, чтобы она снова не назвала этот день Днем Сочувствия Дарси. Я решила быть оптимисткой.

– Да нет, я очень рада, что начинается учеба в колледже. А с чего ты взяла, что я переживаю?

– Да потому, что это – начало нового этапа в твоей жизни. – Она улыбнулась и достала из своей сумочки компактную прессованную пудру в красивой пудренице: – Это тебе.

– Зачем она мне? – спросила я, вертя ее в руках. – Вы с мамой пользуетесь этой штуковиной, а я еще нет.

– Пора и тебе приобщаться, – улыбнулась Моника. – Тебе это пригодится, вот увидишь.

По дороге в колледж я все время думала о том, что меня там ожидает. Наверное, вначале мне придется зайти в директорскую, чтобы кто-нибудь из администрации показал

мне колледж – объяснил, где находятся удобные для меня переезды и как быстрее перейти из класса в класс во время перемен. В этом случае я бы очень быстро освоилась в колледже, но, с другой стороны, мне не очень хотелось, чтобы мне уделяли особое внимание. Не очень-то приятно, чтобы ребята видели, как меня буквально за ручку водят по классам.

Когда мы въехали во двор колледжа, я удивилась, как много там было всяких зданий. Как-то по дороге к дяде мы проезжали мимо Джордана, но тогда колледж выглядел совсем по-другому. Сейчас он был заполнен толпами подростков.

Мама припарковала машину недалеко от стоянки школьных автобусов и помогла мне выйти. Когда я спускалась, я посматривала вокруг. Ребята проходили мимо меня, и никто из них даже не оглянулся. Некоторые поглядывали на меня исподтишка, чтобы я не заметила. Честно говоря, сейчас меня это уже почти не волновало. Я искала глазами Чипа, хотя мне очень не хотелось, чтобы он заметил, как я таращусь на него.

Да, мне, конечно, было не очень приятно, когда на меня смотрели с любопытством. Я бы предпочла, чтобы кто-нибудь, пробегая мимо меня, сказал бы мне что-нибудь типа:

«Эй! Где ты раздобыла такую сумасшедше яркую коляску?»

Мне было не по себе от того, что я чувствовала: многие ребята втайне жалеют меня. Я не была уверена в себе, но я решила не очень-то прислушиваться к этим жалостливым. Я положила свои тетради на сидение коляски, сбоку от себя, помахала маме рукой и двинулась вперед.

– Дарси! Может быть, тебя проводить? – закричала мама.

– Ничего, мама! Я сама справлюсь! – я обернулась к маме с уверенной улыбкой на лице, которая у меня всегда прекрасно получалась. – Сейчас я заеду в кабинет директора.

Мне было просто необходимо, чтобы в первый день учебы я была совершенно самостоятельной.

– Хорошо, дорогая! Я подъеду за тобой к трем часам.

Я пристроилась к ребятам, которые входили в колледж через парадную дверь. В фойе я заметила большой красочный плакат: «Добро пожаловать в колледж Джордан!» Я повернула налево и увидела дверь директора. В приемной секретарь попросила меня немного подождать.

Вскоре высокий человек в сером костюме

открыл дверь кабинета. Он, ласково улыбаясь, представился как мистер Пек и пожал мне руку. Это было потрясение для меня. Мало кто из взрослых до этого жал мне руку.

– Ну, мисс де Ангелис! Вы – первая студентка-инвалид, которая будет обучаться в Джордане, – сказал он, поглядывая на меня так, словно я побила какой-то рекорд.

Мне понравилось обращенное ко мне слово «студентка». Я готова была согласиться с Эйприл, что некоторые слова из лексикона колледжа звучат гораздо лучше, чем школьные. «Студент» звучит красивее, чем «ученик». Но я еще не разобралась в том, нравится ли мне быть «первым инвалидом». Это неприятно резануло мой слух, несмотря на то, что в слове не было ничего несправедливого или оскорбительного. Но я почему-то предпочитала слово «нетрудоспособный».

– Мы с вашими родителями обговорили все, и я думаю, что вам здесь будет хорошо.

Он объяснил мне, где находятся мои классы, и дал мне маленькую схему, по которой я должна буду их разыскивать. Он сказал также, что учителя подготовили классы для меня, специально увеличив проход между партами, чтобы я могла там свободно проезжать. Возможно, после всей этой заботы мне и понравится в колледже.

Я выехала из приемной и проехала мимо кирпичной стены с большой эмблемой колледжа – бронзовый ягуар с каким-то латинским изречением под ним.

Холлы были переполнены ребятами, некоторые из них держали в руках такие же, как и у меня, схемы.

– Дарси! Подожди-ка! – окликнул меня знакомый голос.

Я повернулась и увидела Чипа, пробивающегося ко мне сквозь толпу. Неожиданно я поняла, что волнуюсь не из-за колледжа, а из-за него. Чип выглядел, как настоящий студент. Его новый свитер и вельветовые джинсы делали его почти взрослым. Что мне сказать ему?

– Я вижу, ты уже освоилась в колледже, – сказал он, переводя дыхание. – Мэнди сообщила мне, что тебя привезла мама.

Я почему-то покраснела.

– Да. Ну и что? – я проговорила это скороговоркой, глядя на свою схему, чтобы переключить его внимание на что-нибудь другое.

Продвигаясь по холлу, мы с Чипом сравнивали расписание занятий. У нас совпадали уроки испанского. Он сказал, что, возможно, мы будем сидеть вместе, если учитель не будет сам рассаживать ребят. После этого он

похлопал меня по плечу, сказал мне «до свидания» и отправился в свою аудиторию.

Я не могла поверить собственным ушам: Чип хотел сидеть рядом со мной! «Все идет лучше, чем я себе представляла», – подумала я.

Я повернула направо, чтобы попасть в вторую комнату, «общественные предметы», и впервые почувствовала себя студенткой колледжа. Парты были ужасные – их столы были соединены со скамейками, так что я не вмещалась за ними. Учительница, строгая на вид, с очками, висящими на шее на цепочке, велела мне сесть сзади и использовать книжный стол вместо парты. Это временно, объяснила она мне, но от этого мне не стало легче. Я почувствовала себя снова ущербной.

Следующее занятие проходило в классе литературы на втором этаже. Никаких проблем, подумала я, направляясь к лифту, который мне показал мистер Пек. Я вызвала лифт и стала ждать. Прозвенел звонок, холлы опустели, а я все еще стояла перед закрытой дверью. Хорошо, что уборщица, со шваброй в руках, объяснила мне, что он сломался час назад.

Тут я, заливаясь слезами, направилась к мистеру Пеку. Он послал гонца в мой класс, чтобы объяснить учителю, почему я не пришла, и с просьбой прислать мне мою книгу

по литературе и домашнее задание. Какой позор! Неужели такое будет часто?

Я постаралась ни о чем не думать, просидев весь урок в другой классной комнате, которая была пуста, готовя домашнее задание по общественным наукам. Домашнее задание в первый день занятий! Да, это была не начальная виллоубрукская школа.

Остаток дня был еще хуже. Когда прозвенел звонок, я направилась к своему шкафчику, чтобы поставить в него учебники. Я ужаснулась: шкафчик висел так высоко, что я не могла до него дотянуться! Я повернулась и направилась к директору.

Но по пути я передумала и решила немного успокоиться. Я поехала в ванную комнату. Когда я добралась туда, сердце мое снова упало – зеркала тоже висели так высоко, что я себя в них не видела, более того, я не смогла даже проехать к ним сквозь толпу девочек, причесывавшихся и прихорашивавшихся перед ними.

Я решила не обращать на это слишком много внимания. И вдруг я вспомнила о подарке Моники – маленькой пудренице с зеркалом. Я посмотрела на себя в него и положила пудреницу назад в карман. Моника подарила ее мне для того, чтобы я, пользуясь пудрой, могла понравиться мальчикам. Она

даже не подозревала, что ее подарок пригодится мне в такой критической ситуации.

Во время обеда я встретила Мэнди. Я была просто счастлива, что у нас с ней совпали перерывы. Но и тут нас ждало серьезное испытание – столики в столовой имели такие уродливые скамейки, что я никак не могла устроиться за ними в своей коляске. Мы взяли наши завтраки и направились во двор, где Мэнди уселась на кирпичную стену, а я остановилась возле нее.

– Ты представляешь, моя учительница по математике такая смешная... И еще, мне очень понравился урок по биологии. А вдруг нас заставят резать лягушек и прочую живность? – Мэнди вздрогнула и чуть не уронила свой бутерброд. – Я встретила Эми на первом занятии и Джереда на втором.

– А я еще никого не знаю в моем классе.

Мэнди замолчала.

– Извини, Дарси! Как ты вообще?

– Честно говоря, – сказала я, уставившись на бутерброд, лежащий у меня на коленях, – все гораздо серьезнее, чем я представляла.

Я объяснила ей все, что со мной сегодня произошло.

– Но я стараюсь не унывать из-за этого.

– Все это – эмоции! – сказала Мэнди с набитым ртом.

Мы сравнили расписание наших уроков. Ни одного совпадения, как назло.

Только во время обеденного перерыва мы с Мэнди сможем теперь видеться. Но, возможно, вскоре Мэнди захочет сидеть за столиком в столовой вместе с остальными ребятами, а не во дворе, со мной. Эти мысли не могли не огорчить меня.

Я оставила бутерброд недоеденным. Обед стал для меня еще одной неприятностью в этот грустный день.

14

Остаток дня прошел не лучше. Я поехала на урок испанского, пытаюсь скрыть свое огорчение. Чувствовала я себя отвратительно. То ли потому, что весь день был таким суматошным, то ли потому, что очень хотелось увидеть Чипа.

Но неважно. Когда я добралась до класса, учительница зачитала уже половину списка, рассказывая всех. Место Чипа было за первой партой. Мое оказалось в противоположном углу.

Он помахал мне карандашом.

Это было как раз в тот момент, когда сеньора Лопес писала что-то на доске и несла какую-то тарабарщину на испанском языке, которую никто из нас не понимал. Я

сделала вывод, что мои надежды не оправдаются и что мы с Чипом уже никогда не сможем сидеть рядом.

Из всех уроков испанский оказался самым утомительным. Да еще сеньора Лопес задержала нас после звонка. Мы должны были пулей вылететь из класса, чтобы до звонка успеть добраться до следующей аудитории. Чип тоже буквально вылетел за дверь, не успев проститься со мной.

Я вздохнула, положила свои книги на колени и медленно выехала из комнаты. Мой последний урок в тот день проходил в классе напротив.

– Эй! Рада тебя видеть! – услышала я чей-то голос.

Я обернулась. Это была Эйприл, шикарно одетая, но еще на костылях.

– Ты все еще на этих штуках? – улыбнулась я.

– Да, осталось еще недельку помучиться с ними, – проговорила Эйприл, вздыхая и всем своим видом показывая, как она устала от всего этого.

Мы прошли в класс, говоря о том, как мы рады, что встретились в колледже.

– Тебе здесь нравится? – спросила я Эйприл, в то время как мы занимали два места за последней партой.

– Да вроде ничего! – отозвалась она. – За исключением такой мелочи, как сломанный лифт.

– Да, такая досада! – воскликнула я радостно. Я обрадовалась, что сломанный лифт – это не только моя проблема, но и проблема Эйприл с ее поврежденной лодыжкой. Конечно, я не радовалась тому, что ей было нелегко добраться до класса, просто мне было приятно, что кто-то понимает и мои проблемы.

– К счастью, – продолжила она, – Чип и Поль в это время поднимались по лестнице.

– Да?

– Да. И они помогли мне подняться на второй этаж!

– Тебе повезло! – заметила я, чувствуя, что меня неприятно задело это сообщение. Еще одна мелкая неприятность. Урок математики для меня был испорчен, хотя я и старалась сконцентрировать свое внимание на том, что говорил учитель.

Последний урок в мой первый день в колледже закончился без пяти минут три. Грустная и усталая, я подъехала к шкафчику для вещей, на который мне указали. Я уложила все свои вещи в сумку, повесила ее на ручку коляски и объехала вокруг колледжа.

Ребята были веселее и шумливее, чем

утром. Они смеялись, швыряли друг в друга сумками с учебниками, прыгали и скакали по дороге к автобусам.

Я остановилась возле последнего и стала ждать маму. Автобусы один за другим отъезжали от колледжа и, набирая скорость, сворачивали налево или направо. Я обратила внимание на автобус под номером 342, в котором поехали Мэнди и Чип. Я замерла, надеясь, что они тоже заметят меня и помажут мне рукой. Мама опаздывала.

Двор колледжа опустел. Только одинокие прохожие проходили мимо. Легкий ветер раскачивал верхушки деревьев, а я смотрела на небо, поражаясь его необычайной синеве. Проплыло большое облако, и еще один порыв ветра тронул листву. Я глубоко вздохнула. У меня было такое настроение, что мне хотелось умереть. И в это самое мгновение я заметила бабочку, порхающую над дорожкой. Она летела, танцуя и кружась, по направлению ко мне. Я запрокинула голову, любуясь бабочкой, как будто это была самая удивительная вещь на свете.

Неожиданно все уроки, которые преподнесло мне нынешнее лето, всплыли в моей памяти. Ведь со мной был Бог! А я снова забыла об этом.

Если бы я хорошо усвоила эти уроки, я

бы запомнила, что Иисус иногда отвечает на молитвы не так, как мы ожидаем. Его ответы, особенно на мои молитвы, всегда неожиданные.

Неожиданные. Я снова вспомнила папино любимое выражение: «Все мы в чем-то ограничены». Я представила себе весь сегодняшний день, вспомнила всех, кого мне довелось увидеть в колледже: азиатских ребят, девочку из математического класса, мальчика в очках с толстыми линзами в классе общественных наук, нескольких ребят с пластинками во рту для исправления зубов. Даже Чип, и он выделялся среди всех своим непомерно высоким ростом.

Бабочка покружилась возле меня и улетела прочь. И тут мама притормозила возле меня нашу старую машину. На мои глаза навернулись слезы, как только я увидела, что моя бабочка упорхнула от меня.

Бог не забыл обо мне! Он не бросил меня в печали. И завтра, я уверена, все будет лучше. Я буду ждать от Бога чего-то необыкновенного.

Послесловие Джони

Я знаю, дружок, ты не отказался бы помочь такой девочке, как Дарси. Она – прелесть, правда? И ты с удовольствием бы покатал ее в коляске или помог ей перебраться с одного места на другое.

Если у тебя есть такой же больной друг, я могу дать тебе несколько советов, как с ним лучше общаться. Послушай меня и протяни руку дружбы, помощи и любви своему нетрудоспособному другу. Ты не только доставишь ему радость, но и сам почувствуешь радость от этого.

- Возьми воду и тряпку, вымой, а потом натри до блеска инвалидную коляску своего друга. Взрослые всегда моют и полируют свои машины. Почему бы и ребятам, передвигающимся в инвалидных колясках, не иметь чистые и сверкающие колеса?

- Научись правильно везти инвалидную коляску. Здесь есть несколько моментов, на которые следует обратить внимание: ты должен заранее выбрать дорогу, по которой повезешь коляску, проверив, нет ли на ней

ям, рытвин или луж. Выбирай хорошую, безопасную дорогу для своего друга.

- Будь особо внимателен в тех случаях, когда твоему другу нужна помощь – достать книги с высокой полки или поднять брошенную им вещь. А может быть, те книги, которые лежат у него на коленях, не помещаются там? Посмотри, чем ты еще можешь ему помочь.

- Говоря со своим другом, находящимся в инвалидной коляске, не стой сзади или сбоку от него, чтобы ему не приходилось выворачивать себе шею, обращаясь к тебе. Стой всегда перед ним.

- Ты можешь поинтересоваться, что случилось с твоим другом, но помни, что ребята-инвалиды любят говорить не только о своем недуге или костылях, или коляске, они с удовольствием говорят о спорте, телевизионных передачах, каникулах, развлечениях и даже о домашних заданиях, может быть.

- Спроси своего больного приятеля о его религиозных взглядах. Иногда ребята с физическими недостатками чувствуют себя очень одинокими. Они хотят, чтобы с ними поговорили и вместе с ними помолились.

- Думай обо всем этом заранее. Если ты собираешься отвезти своего больного друга куда-нибудь, например, в церковь, то внача-

ле проверь, сможет ли его коляска проехать через дверь. А уместится ли она в кафе за столиком? Если нет, попроси учителя или других взрослых помочь ему. Помни, все можно сделать, если только очень захотеть.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the initials 'Jm' or 'Jm' with a long horizontal stroke extending to the left.

